

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВИТАЛИЙ РОМАНОВ

БЕЛЫЕ НАЧИНАЮТ И ПРОИГРЫВАЮТ

Виталий Романов

Белые начинают и проигрывают

«ЭКСМО»

2008

Романов В.

Белые начинают и проигрывают / В. Романов — «Эксмо», 2008

Е2-е4! Белые начинают партию атакой королевской пешки! Странную шахматную партию, кровавую и жестокую, в которой не два игрока, а целых пять. Пять звездных систем, мечтающих о власти в Галактическом Союзе. Ради этого необходимо взять под контроль уникальные рудники с топливом хай-джет. Шах! В бой идут и пешки, и тяжелые фигуры: элитный спецназ, дипломаты-интриганы, даже звездные принцессы. Но фигурки не подозревают: все они движутся по полю так, как выгодно тому, кто играет. Любой из них могут пожертвовать в хитроумной комбинации. Шах! Игроки, мечтающие о победе, не знают главного: за черных – барон Сатур фон Ниддл. Демон, исповедующий принцип: чтобы выиграть партию, надо энергию атакующего направить против самого атакующего. Мат!!! Заказывали победу любой ценой? Она в кармане! Стоит ли ужасаться, если она действительно достигнута любой ценой? Белые и пушистые отдыхают...

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Виталий Романов

Белые начинают и проигрывают

Пролог

Первый из спецназовцев «Скальпеля» умер еще до того, как Сатур фон Ниддл приблизился к воротам роскошного особняка и несколько раз дернул позолоченную цепочку. Где-то внутри, в глубине дворика, мелодично прозвенел колокольчик, а широкое кольцо на правом безымянном пальце ночного гостя, в этот миг стало теплым. Не горячим, но достаточно теплым – достаточно для того, чтобы фон Ниддл смог уловить, принять информацию от Сьонга. Тот подавал знак: ликвидаторы начали работу по зачистке периметра особняка, и первый из охранников уже мертв.

А всего в особняке находилось одиннадцать человек, включая князя Ольхонского и его супругу. Дипломат и его половина не в счет, то отдельный разговор. Одиннадцать минус два равняется девяти, такова арифметика. Следовательно, девять человек должны умереть в ближайшие минуты. И среди них – профессионалы из «Скальпеля», элитной спецслужбы созвездия Возничего.

«Черт! – подумал Сатур. – Кто мог предсказать, что так все сложится? Что для выполнения поставленной задачи потребуется убивать своих?»

Что-то скрипнуло за воротами, негромко прожужжала видеокамера, медленно поворачиваясь из стороны в сторону – охранники, дежурившие у мониторов, проверяли, нет ли кого за спиной гостя.

«Впрочем, кто в наше время свой? – спросил барон себя, когда щелкнули электрозамки, разблокируя проход для визитера, которого ждал князь Ольхонский. – Кто в наше время свой? Тот, кто родился с тобой под светом одной звезды? Бред! Что общего, например, между мной и Ольхонским? А кто же свой? Тот, кто заказывает работу? Или тот, кто – независимо от места рождения – защищает вместе с тобой флаг одного цвета? Ерунда! Уж больно часто получается так, что флаг твоего созвездия – лишь красивая ширма для дурно пахнущих идей. Для одних все решают деньги, для других – возможность принять участие в трудной, но азартной игре...»

– Добрый вечер, сэр! – поприветствовал гостя привратник, встретивший его на дорожке, выложенной узорчатой плиткой.

Вышколенный слуга дипломата склонился перед Сатуром, еще не подозревая, что этот посетитель в черном кожаном плаще принес в дом смерть. Смерть для всех, в том числе и для немолодого седоволосого привратника, искренно гордившегося хорошей необременительной работой у богатого хозяина.

– Добрый вечер, – отозвался фон Ниддл, не снимая тонкие шелковые перчатки. – Точнее доброй ночи!

Он двинулся в сторону дома. И даже не обернулся, когда краем уха уловил тихий хрип. Губы фон Ниддла скривились в горькой усмешке. «Решить задачу любой ценой...» – вспомнилось ему. Такой приказ отдал президент, Мишель Брайтнер, во время приватной встречи на Воксе. Любой ценой. Обсуждать распоряжения первого человека созвездия Возничего не полагалось.

Любой ценой.

Второй из спецназовцев, дежуривших на внешнем периметре, занимал правильную позицию – спиной к стене, лицом к вверенному сектору обзора. Солдат не спал, несмотря на то что ночь уже опустилась на Карэлес и большинство местных жителей расплзлись по домам или барам. Сотрудник «Скальпеля» все делал точно по инструкции: визуально контролировал

сектор наблюдения, а затем проверял себя с помощью детекторов движения, с помощью тепловизоров, «пробивавших» кусты и деревья вокруг особняка.

Какая-то зверушка зашевелилась среди стебельков травы, прошуршала чуть вперед, приближаясь к ногам стража. Тот на миг опустил взгляд – на всякий случай проверить: не таит ли крошечное животное опасности? Именно в ту секунду что-то тихо щелкнуло в черной спинке грызуна, по глазам ударил ослепительный, невыносимо яркий луч.

Это было что-то невероятно короткое – будто молния или вспышка фотокамеры. Луч существовал лишь доли секунды, и, наверное, со стороны его невозможно было заметить, потому что световая иголка оказалась направлена точно в лицо стража.

Ослепший солдат невольно дернул руку вверх – машинально прикрывая глаза, которые уже ничего не видели, но горели от боли. Это произошло даже быстрее, чем из горла вырвался крик. Крик застрял, потому что ладонь приподняться успела, а вопль перерезали острым ножом – вместе с глоткой, не позволив обреченному издать никакого громкого звука. Лишь тихий, едва различимый хрип. Это допускается. Тело мертвого солдата тут же исчезло в кустах, а пост занял совсем другой человек, одетый в камуфляж – такой же, как на бойце из «Скальпеля».

Сатур фон Ниддл медленно – прогулочным шагом – двигался в сторону резиденции князя Ольхонского, оглядывая сад, аккуратные хозяйственные постройки. Барон попал сюда впервые. Несмотря на то что на планету опустилась ночь, здесь, вокруг дома, горели шаровые светильники, заливая пространство мягким, приглушенным светом. На Карэlese знали толк в красивой жизни. Дипломату созвездия Возничего выделили роскошный особняк, достаточно было беглого взгляда, чтобы убедиться в этом. Впрочем, послам четырех других созвездий выделили дома ничуть не хуже – в том можно не сомневаться. До начала тендера всех гостей Карэlese поставили в одинаковые условия.

Кольцо стало теплым, а потом – после небольшой паузы – еще раз нагрелось. Тем самым Сьонг давал понять: умерли еще двое охранников на внешнем периметре. «Итого четыре, включая привратника, – подумал Сатур. – Интересно, как Сьонг и его ликвидаторы ухитряются бесшумно расправляться со спецназовцами? Ведь резиденцию дипломата охраняют не желторотые сосунки, а матерые профи, коллеги полковника Ратье из «Скальпеля». Однако уже четыре человека из девяти умерли, и ни сигнала тревоги, ни вскрика, ни даже намек на форс-мажор. Полная тишина, словно это – обычная ночь...»

– Необычная ночь... – негромко пробормотал Сатур фон Ниддл, засунув руки в карманы и остановившись на пороге, перед дверью в дом.

Необычная ночь. Несмотря на весь свой опыт, барон впервые решал задачу такой сложности. И впервые для ее решения требовалось убивать своих. Вернее не просто убивать, а *убивать именно так* – нагло, жестоко, демонстративно...

Едва заметно дрогнули кусты справа от входа, барон уловил это движение краешком глаза, но не повернул голову. Он знал, что охранники, дежурящие у мониторов, сейчас видят лицо гостя. Оно должно казаться стражам полностью спокойным, а потому – ни тени тревоги или сомнения, ни одного косого взгляда по сторонам.

Барон пришел сюда по приказу первого дипломата Вокса. Пришел для того, чтобы доложить о результатах проделанной работы. Так должны думать все охранники. И какое им дело до факта, что в пятый раз нагрелось кольцо на безымянном пальце – погиб последний из спецназовцев на внешнем периметре...

Наверное, еще не поздно повернуть назад, направить реку в иное русло, менее кровавое. Отказаться от жестокого плана, сыграть по-другому... А трупы в саду, во время визита фон Ниддла? Глупое совпадение, нелепая случайность. Никто ничего не докажет, ибо никто не знает, что команда ликвидаторов Сьонга на одну ночь высадилась на Карэlese. Бригада закончит работу, а потом исчезнет с планеты, рано утром... Еще можно все переиграть... Впрочем...

Разве он все это придумал? У него есть работа. Хорошо оплачиваемая работа. Есть репутация, которую следует беречь. И есть задача, которую приказано выполнить любой ценой.

– Входите, барон! – донесся из переговорника металлический голос.

– Благодарю, – вежливо ответил Сатур фон Ниддл, переступив порог.

Он даже вытер ноги о коврик, лежавший в коридоре, – скорее по привычке, чем из желания поглумиться над князем, занимавшим роскошный особняк.

– Князь Ольхонский ждет в гостиной, сэр! – услужливо подсказали динамики. – Это прямо по коридору, десять метров, первая дверь налево.

– Благодарю, – повторил Сатур, не зная, что офицер, дежуривший у мониторов, уже не слышит припозднившегося гостя.

Тонкая игла впиалась в ногу, в мякоть на лодыжке. Вернее в первый миг Ларри даже не понял, что это игла. Просто почудилось: какое-то маленькое насекомое пробралось в комнату через защитную сетку, установленную на окне. Пробралось, чтобы напиться человеческой крови.

Офицер нагнулся, собираясь хлопнуть себя по ноге, да пальцы вдруг наткнулись на что-то непонятное. Длинное, металлическое. Ларри удивленно посмотрел на собственную лодыжку, и это было последнее, что он сумел сделать. Яд, находившийся на кончике стального жала, попал в кровь, резво пробежал по венам, и сотрудник «Скальпеля» замер, не в силах пошевелиться.

Он еще разглядел какую-то непонятную тень, скользнувшую по полу – то ли от маленького человека, то ли от крупной обезьяны. А потом горло захлестнула тонкая леска. Ларри хотел дернуться, взмахнуть рукой, мотнуть головой – отогнать нечто, находившееся у него за спиной, сдавливавшее глотку все сильнее. Еще секунд десять или пятнадцать он пытался бороться, хотя игра была нечестной: яд заблокировал нервные узлы и мышцы. Потом воздух в легких закончился, Ларри почувствовал странное жжение в груди, и наступила темнота.

Сьонг очень аккуратно опустил мертвеца на пол – офицером у мониторов занимался лично он. Ликвидатор не стал выпускать иглу со смертельным ядом: не хотел, чтобы в доме раздался грохот, неожиданно громкий звук. Умиравший мог зацепить руками, туловищем какие-то предметы или кнопки на столе, а это было недопустимо. Именно потому старший лейтенант Ларри Якобсон, дежуривший у мониторов, умер в два приема. Сначала его обездвижили, лишь потом задушили и аккуратно, беззвучно уложили на ковер.

Покончив еще с одним охранником, Сьонг подал условный сигнал фон Ниддлу и взглянул на контроль-монитор. Барон, засунув руки в карманы плаща, спокойно шел по коридору особняка – десять метров вперед, а потом налево, в гостиную. Все так, как объяснил мертвый теперь офицер.

Кольцо на правом безымянном пальце вновь нагрелось в те секунды, когда Сатур положил ладонь в перчатке на ручку двери, собираясь войти в гостиную. Барон кивнул в ответ, словно чувствуя: Сьонг видит его в камеры наблюдения. Грустно вздохнул и толкнул створку, разом уничтожая все варианты игры, кроме единственного, на который и были сделаны ставки.

– Добрый вечер, – негромко сказал он. – Решил навестить, как просили.

– А-а-а! – раздраженно буркнул Руслан Ольхонский и почесал дряблую щеку. – Все-таки надумали явиться лично, барон! Хотя я уже понял из доклада Ратье: никакого толку в вашей деятельности нет! Неделя, так сказать, работы – и лишь одна полезная новость! А приперлись, Ниддл, за полночь! Накануне тендера! Самое время для приема гостей, не правда ли?

Тучный князь сидел, развалившись в кресле, перед ним на столике высилась бутылка с темно-красным напитком, а рядом – объемистый бокал.

– Ноль часов одиннадцать минут, – спокойно отметил визитер, мельком взглянув на часы. – Прошу извинить, князь. Были срочные проблемы, которые требовалось разрешить до прихода к вам.

– Проблемы! – насмешливо-капризно передразнил Руслан Ольхонский. – Какие у вас могут быть проблемы, Ниддл?! В настоящее время существует только одна проблема! Только одна задача, поставленная правительством Вокса! Победа созвездия Возничего на тендере! Вы решили задачу?! Нет! Конечно нет! Впрочем, стоит ли о том говорить? Фактически вы уже отстранены от работы! Фиаско, барон, полное фиаско...

– Пока нет, Руслан, главную задачу не решили, – отозвался фон Ниддл, почувствовав, как вновь стало теплым кольцо. Сатур не реагировал ни на резкий тон оппонента, ни на колкости в свой адрес. Он знал: князь Ольхонский имеет право на небольшое моральное удовлетворение – перед тем, что его ждало. – Пока задача не решена. Однако в настоящее время мои люди как раз и заняты данной проблемой. Есть надежда, что...

– К черту ваши надежды! Они никому не нужны! Нужны стопроцентные гарантии успеха! Вы можете их дать?!

Повар на кухне – это была неожиданность для ликвидаторов Сьонга. Возможно, теплодетекторы неправильно определили число людей в доме именно потому, что один из объектов находился возле горячих печей. Руслан Ольхонский, лишь недавно вернувшийся с бала у принцессы Дианы, задержал слугу, потребовав ужин – уже на ночь глядя. Если бы отпустил вовремя, спас бы тому жизнь. Но князь не подозревал, что поздняя трапеза закончится столь печально – и для него самого, и для прислуги.

Повар оказался не робкого десятка. Завидев на пороге Сьонга и одного из ликвидаторов, не впал в ступор, не сдался на милость врага, ухватился за огромный разделочный нож. Впрочем, это мало что изменило. Сьонг даже не стал использовать духовую трубку с иглами, как делал ранее. Просто остановил своего помощника резким взмахом руки, пьяной походкой двинулся навстречу слуге Ольхонского, пытавшемуся спасти собственную жизнь.

Сьонг раскачивался из стороны в сторону, делал разные шаги, то большие, то маленькие, двигался в рваном темпе, дезориентируя жертву. Лицо его было абсолютно спокойным, это нервировало человека в белом переднике и колпаке. Повар не выдержал, резко – наотмашь – саданул ножом. И не попал, лишь потерял равновесие, а второй удар нанести уже не успел. Пятка Сьонга переломила позвоночник выше поясницы – где-то в районе почек и нижнего края ребер. Этим движением убийца не только обездвижил жертву, но и лишил возможности кричать, выбив наружу воздух. А вновь наполнить легкие несчастный уже не успел – шея оказалась в стальном захвате, Сьонг дернул голову обреченного вверх и вправо. Позвонки хрустнули, повар странно всплеснул руками. Помощник фон Ниддла потащил мертвеца в сторону, аккуратно уложил на пол неподалеку от горячих печей...

– Ваши люди прямо сейчас решают проблему? – Князь Ольхонский саркастически улыбнулся. И вдруг подался вперед. – Какое служебное рвение, барон! Отрадно слышать! А вы ничего не перепутали, друг мой?! Не забыли, что теперь уже поздно решать какие-либо проблемы?! Тендер по месторождениям хай-джет заканчивается завтра. Завтра!!! В одиннадцать открывается церемония подведения итогов! И кто-то получит рычаги управления в Галасоюзе – не только экономические, но и политические! Месторождения Карэлеса – это власть! Сила! У вас все в порядке с головой, барон?! Решать проблемы следовало раньше! Раньше! А теперь поздно! Кстати, благодаря информации, полученной сегодня, мы сохраняем шансы на успех, только это не ваша заслуга!

– Поставленная задача весьма сложна, – возразил фон Ниддл. – Она отнимает много времени и огромное количество ресурсов.

– Плевать на время! Плевать на ресурсы! Вам было приказано не считаться ни с чем, обеспечить победу любой ценой! Вы не смогли продвинуться ни на шаг, барон! Это провал, полный провал!

– Любой ценой... – эхом повторил Сатур фон Ниддл. И странно посмотрел на Руслана Ольхонского. – Даже ценой человеческих жизней...

– Даже ценой человеческих жизней!!! Что с вами, Ниддл?! Потеряли голову?! Поняли, что влезли не в свое дело?! А я говорил! Неоднократно говорил!!!

– Вы не предложите мне сесть? – Фон Ниддл оставался спокоен, невозмутим. – Признаться, князь, у меня выдался трудный день, и многое еще предстоит. Хотелось бы передохнуть... вот на этом удобном кресле...

– Не смей! – взвизгнул Ольхонский и протестуя взмахнул рукой. Бокал упал на пол и не разбился только потому, что ковер был мягким, толстым. Князь раздраженно взглянул на темно-красное пятно, затем с ненавистью уставился на фон Ниддла. – Не смей садиться! Я не давал разрешения! Стоять! Клоун! Фигляр! Я с самого начала был против вашего участия в проекте! Только полный идиот мог предполагать, будто вы сможете добиться успеха там, где бесконечно тяжело бороться даже профессиональным дипломатам! Шут! Шут гороховый! Завтра же доложу в правительство Вокса о том, что вы абсолютный ноль! Вы – страшнейшая ошибка нашего президента! Слава богу, что не роковая! Такого не следовало и близко подпускать...

Громкий испуганный крик, донесшийся откуда-то из-за двери, из глубины коридоров, заставил Руслана Ольхонского умолкнуть. Дипломат замер с приподнятой рукой, недоуменно глядя на фон Ниддла. Кольцо на пальце барона сначала потеплело, а потом стало горячим – так что Сатур не удержался, болезненно скривился.

– Мог бы и полегче, Сьонг, – пробормотал он. – Я бы понял без таких откровенных намеков. Вот только... только почему оно нагрелось десять раз, а не девять?

– Что? Что вы сказали? – Ольхонский ничего не понял, вновь с тревогой посмотрел на дверь, потом на визитера. – Черт побери, что там происходит?!

Сатур фон Ниддл опустил в кресло, не сняв плаща, с наслаждением вытянул уставшие за день ноги.

– Фух... – выдохнул он. – Не волнуйтесь, князь. Еще минута, и вы получите ответы на все вопросы. Единственная неприятность заключается в том, что вряд ли вы будете счастливы, узнав правду.

Горничная княгини Ольхонской занимала комнату, смежную с апартаментами хозяйки. Молодая служанка выскочила из своего жилища в коридор, нос к носу столкнулась со Сьонгом и от страха успела вскрикнуть – впрочем, ее возглас никто не услышал, только леди Агнета. Все, что мог сделать Сьонг для ни в чем неповинной девушки, – умертвить ее быстро и по возможности безболезненно. Это было выполнено с помощью длинной иглы, смоченной смертельным ядом. Ликвидатор воткнул острие в предплечье жертвы, крепко зажимая ладонью рот перепуганной служанки.

Именно в это мгновение леди Агнета, встревоженная тихим возгласом в коридоре, появилась на пороге своей комнаты. Она увидела распростертую на полу девушку и маленького – очень маленького – и весьма плотного, мускулистого человека, присевшего над еще подергивавшимся телом. Неизвестный больше походил на обезьяну, его движения были какими-то непривычно резкими, нечеловеческими. Это напугало Агнету даже сильнее, нежели горничная на полу.

Княгиня Ольхонская громко закричала от ужаса, именно ее вопль, несколько раз бесильно ударившись в закрытые двери спален второго этажа, долетел до гостиной, где беседовали князь Ольхонский и Сатур фон Ниддл.

Спустя минуту Сьонг и один из ликвидаторов притащили бесчувственную княгиню в те же апартаменты, где находились хозяин особняка и его ночной гость.

Увидев жену в руках низенького узкоглазого чужака, Руслан Ольхонский побледнел, стал приподниматься с кресла.

– Сидеть! – резко приказал Сатур. – С ней *пока* ничего не случилось. Так ведь, Сьонг?

– Жива, босс! – лаконично подтвердил человек-обезьяна. – Упала в обморок от страха.

– Кстати, почему было десять сигналов? – поинтересовался фон Ниддл. – Сканеры показывали, что в доме девять плюс два. Кого же *еще*?..

Сатур не договорил, но командир группы ликвидаторов все понял.

– Повар возле горячих печей, – кратко сообщил он, зная, что барон не нуждается в длинных пояснениях.

Сатур фон Ниддл удовлетворенно кивнул.

– Теперь все чисто. Проверено, – на всякий случай добавил маленький узкоглазый человек.

– Спасибо за работу, Сьонг! – Фон Ниддл вскочил на ноги, быстро добежал до окна гостиной, проверил рамы, поплотнее задернул шторы.

Обернулся к Руслану Ольхонскому, сидевшему в кресле с открытым ртом. Ведущий дипломат Вокса, отвечавший за победу созвездия Возничего на тендере Карэлеса, никак не мог взять в толк: что делает барон фон Ниддл – служащий, нанятый правительством Вокса для помощи официальной дипмиссии?

– Ну вот, князь. – Барон подмигнул растерянному дипломату. – Я же говорил: прямо в настоящее время мои помощники делают *все возможное*.

– Все возможное *для чего*? – с трудом выдавил Руслан Ольхонский.

– Все возможное для победы созвездия Возничего, – мрачно улыбнувшись, изрек фон Ниддл. – Не забыли? Именно для обеспечения этого правительство решило прибегнуть к моим услугам. А я, знаете, очень не люблю проигрывать. Просто – увы, князь, – иногда победы достаются нам дорогой ценой. Очень дорогой ценой...

– Что-то я ничего не понимаю, – растерянno пробормотал Ольхонский и ладонью потер лоб. – Сначала... сначала мне показалось... вы продались конкурентам... Однако... однако это глупо! В ночь перед оглашением результатов гонки?! Поздновато... Что-то я ничего не понимаю!

– Нет, я не продался другим хозяевам, – осклабился барон. – У меня свои принципы работы. Только вряд ли это спасет... Сьонг! Привяжите его!

Барон вовремя заметил, как Руслан потянулся к коммуникатору, лежавшему в кармане. Подручные фон Ниддла легко справились с тучным дряблым дипломатом, надежно примотали его руки и ноги к креслу – так что ведущий дипломат Вокса мог слушать, но потерял способность шевелиться.

– Ну вот, теперь и поговорим, – с грустной улыбкой сообщил фон Ниддл. – Знаете, Руслан, я ведь не испытываю к вам симпатии. Ни-ка-кой. Как и вы ко мне. Но, признаюсь, тяжело сделать то, что необходимо. Возможно, именно потому захотелось поговорить с вами. Так сказать, немного облегчить грех, который придется взять на душу.

Ольхонский нервно посмотрел на жену. На лбу князя выступили капли пота. Он вдруг понял, что дело *гораздо хуже*, чем казалось на первый взгляд.

– В доме все мертвы? – задыхаясь, прошептал Ольхонский.

– Все, – заверил фон Ниддл.

– Это значит... – Князь с ужасом вытаращился на гостя. – Это значит?!

– Это значит, ночь будет долгой и трудной. Я уже говорил, да вы плохо слушали. Но сначала необходимо обсудить кое-какие детали, князь.

* * *

– Мне доложили, созвездие Эридана тоже подало заявку на тендер, – негромко вымолвил Мишель Брайтнер, взглянув на Арно Бинелли.

Президент созвездия Возничего не уточнил, о каком тендере речь, собеседники и без детальных объяснений понимали друг друга. Председатель правительства тут же вскочил с кресла, пробежал по комнате взад-вперед, энергично взмахнул рукой.

– Эти не в счет! – убежденно воскликнул Бинелли. – Мишель, эриданцы точно не в счет! У них нет ни единого шанса!

– А какие шансы у нас? – тут же спросил Брайтнер.

Арно Бинелли вновь забежал по кабинету, от двери, за которой дежурили двое сотрудников правительственной охраны, до завешенного шторами окна. Потом остановился посередине большой комнаты, глядя на Мишеля Брайтнера. По привычке президент созвездия Возничего забрался в дальний угол – самый темный. Арно Бинелли отлично знал эту причуду первого человека Вокса: когда не приходилось выступать перед журналистами, членами правительства или толпой граждан, Брайтнер предпочитал полутемные углы и мягкие кресла. Словно это компенсировало часы, которые требовалось проводить под яркими вспышками фотокамер, в свете софитов.

– Наши шансы? – Голос Арно Бинелли звучал уверенно, энергично. – Наши шансы, да, у нас есть шансы, сэр! Мы делаем все возможное к тому, чтобы получить этот контракт! Мы предложили Карэлесу очень выгодные условия. Это действительно очень выгодные условия, и наши промышленные корпорации будут рады поддержать...

– Арно! – перебил невысокий лысый человек, сидевший в кресле, и с досадой махнул рукой. – Арно, к чему бравые лозунги? Давай смотреть правде в глаза. У нас есть хоть какие-то шансы?

Бинелли с шумом выпустил воздух из легких – будто колесо мобиля проткнули чем-то острым, и камера испустила дух.

– Арно, мне нужно знать правду. За последний месяц безработица на планетах созвездия выросла еще на полпроцента. Это в среднем. Есть места, где дела обстоят хуже, где корпорации активнее сокращают издержки. Мы выравниваем средний показатель только за счет Вокса, но ты сам понимаешь: здесь больше рабочих мест, больше возможностей. Это планета-столица, где размещены головные офисы крупнейших промышленных корпораций, где аккумулярованы основные финансовые активы.

Арно Бинелли несколько раз провел ладонью по волосам – нервно, быстро, – словно пытался поправить прическу. Однако его волосы и без того лежали идеально.

– Растет безработица, уже четвертый месяц подряд, – монотонно продолжил Мишель Брайтнер. – Это тенденция, теперь уже нельзя говорить о сезонных колебаниях. Увеличился дефицит бюджета. Впервые за последние годы мы были вынуждены прибегнуть к внешним займам, для того чтобы покрыть возникший кассовый разрыв.

Бинелли опустил в кресло, принялся нервно потирать ладони. Он не хуже президента знал статистические данные.

– Арно, все это произошло в тот период, пока ты являешься председателем правительства. Твой кабинет формирует и экономические, и политические векторы Вокса...

Бинелли хотел что-то сказать в свое оправдание, но Мишель Брайтнер не позволил, остановил жестом руки.

– Наше положение в Галасоюзе ухудшается, это факт. Пока мы можем сохранять хорошую мину при плохой игре. Нас даже считают выгодным заемщиком, надежным, стабильным партнером благодаря безупречной кредитной истории, созданной в прошлые времена. Мы всегда выполняли свои обязательства. Однако мы уже сейчас теряем сферы влияния вне Возничего, не имеем возможности инвестировать в развивающиеся сектора галактического бизнеса, и крупные финансовые корпорации недовольны. Уменьшается наш вес в консультационной палате Галактического Союза. Арно, мы теряем рычаги управления как там, так и здесь!

– Я... – начал было председатель правительства.

– Необходим контракт с Карэлесом! – надавил президент. – Это позволит восстановить позиции. Это ход, который решит все проблемы. Мы сможем на десять лет забыть о финансовых проблемах, ибо тот, кто разрабатывает месторождения хай-джет, – богач. Мы вернем влияние в Галасоюзе, к нам снова будут прислушиваться все созвездия! Субтопливо необходимо каждому!

– Сэр... Мы готовы делать все возможное и невозможное, чтобы получить этот контракт. Вот только...

– Только? Говори все! Я должен знать правду на сто, на двести процентов!

– В последние десять лет право на разработку месторождений Карэлеса принадлежало созвездию Дракона. За этот период они значительно увеличили собственный вес в консультационной палате Галасоюза. Их влияние гораздо сильнее нашего. Кроме того, «драконы» накопили значительные финансовые активы. Десять лет работ на Карэлесе они использовали с очень высокой эффективностью. Иногда мне кажется...

– Да?

– ...кажется, что они сознательно не тратили большую часть наработанных активов. Берегли их, чтобы на следующем тендере выставить такую заявку, которую будет не под силу перебить кому-либо.

Мишель Брайтнер тяжело вздохнул:

– Значит, у нас есть как минимум один весьма опасный конкурент...

– Два, – признал Арно Бинелли, нервно приглаживая волосы. – Два, сэр. По данным экономической разведки созвездие Персея, ранее владевшее правами, исполнено решимости вернуть рудники под свой контроль. Там правительство вступило в альянс с сильнейшими корпорациями. То есть по сути их заявка на тендере – не только от государства. Она прикрывается ликвидными активами мощных финансово-промышленных холдингов, которые имеют свои внешние кредитные линии. В обход лимитов и квот, предоставляемых, так сказать, официально – правительству.

– Почему мы не поступили аналогичным образом? – недовольно буркнул президент, подаваясь вперед и выползая из полумрака. – Арно?! Почему мы так нерасторопны?! Лишь фиксируем интересные приемы, применяемые другими игроками, но отстаем в скорости реагирования?

– У наших холдингов не лучшие времена, сэр, – напомнил Бинелли. – Они не могут активно использовать внешние заемные средства, а своих мало. Наше созвездие и так привлекло кредитные ресурсы на финансовых рынках для покрытия кассовых разрывов.

– Ах ну да! – Мишель Брайтнер откинулся обратно на спинку кресла, раздраженно взмахнул рукой. – Ну да! Все одно к одному...

– Однако наша экономическая разведка постоянно контролирует действия конкурентов, – поспешил заверить Бинелли. – Мы направим на Карэлес лучших дипломатов во главе с князем Русланом Ольхонским. Это опытный профессионал. Мы, сэр, готовы использовать части специального назначения для защиты собственных интересов, если... если соответствующее распоряжение будет отдано.

– Части специального назначения?! – гневно воскликнул президент и резко подался вперед. На его влажной лысине заблестели лучики светильников. – Что, Арно, будем применять спецназ там, где надо выигрывать, предлагая лучшие финансовые условия?! Может, попробуем захватить Карэлес?!

– Нет, что вы, сэр, – смутился Бинелли. Он присел на краешек стула, нервно теребя папку с бумагами. – Я просто хотел сказать, что мы готовы применить все это... если будет необходимо. Никаких звездных войн, сэр! Галактический Надзор мгновенно снимет с тендера любого из участников, если только попытаться применить силу легально. Я подразумевал другое. Мы готовы использовать спецназ тайком, скрытно. Так сказать, наносить точечные удары – там, где

необходимо. То есть мы будем использовать и дипломатический корпус, и специальные части. Если вы дадите «добро» на такой подход.

Мишель Брайтнер поднялся с кресла, впервые за время разговора выбрался из тени, прошелся по кабинету до зашторенного окна, постоял, заложив руки за спину. Арно Бинелли ждал, что скажет президент.

– Используйте любые средства, которые могут привести нас к победе! – чуть обернувшись, приказал Брайтнер. – Только весьма аккуратно! Если Галактический Надзор сумеет установить нашу причастность к каким-то грязным делишкам, твоя голова полетит в первую очередь, Бинелли!

– Отлично, сэр! – приободрился глава правительства. – Разрешите идти? – Он поднялся на ноги, намереваясь побыстрее закончить неприятный разговор.

– Арно! – Мишель Брайтнер обернулся, в упор посмотрел на своего первого помощника. – Арно... Скажи, ты сам-то веришь, что остальные четыре созвездия не будут использовать группы специального назначения? Считаешь, они будут играть честно, без тузов в рукаве? На кон поставлены огромные деньги. Не только деньги – власть! Я уверен, любой из игроков применит грязные приемы. Вопрос лишь в том, кто сможет сделать это незаметнее. Так, что сие ускользнет от бдительного ока Галактического Надзора и принцессы Дианы.

Бинелли лишь пожал плечами. Он знал, что президент прав, именно так будут действовать все игроки. Если понадобится – любое из созвездий утопит тендер в крови, лишь бы только получить права на разработку месторождений Карэлеса.

– Нужен какой-то неожиданный ход, – промолвил Брайтнер, не дождавшись ответа от главы правительства. – Неожданный и сильный ход! Такой, какой не смогут повторить конкуренты. И знаешь что? Я консультировался с руководителями наших крупнейших корпораций, заинтересованных в победе на тендере. Они настоятельно рекомендуют воспользоваться услугами барона фон Ниддла.

– Сатура? – нервно поморщился Бинелли. – Вот пройдоха, везде сунет нос! Интересно, кто в этот раз агитирует за него? «Хэппи стар»? «Газ ойл стандарт»? «Вокс телеком»?

– Все вместе, – усмехнулся Брайтнер. – И не только они. Судя по реакции, ты неплохо знаешь этого человека?

– Слыхал! – неприязненно скривился Бинелли. – Довольно ловкий консультант. У него высокий процент успешных дел.

– Мне доложили, он помогает нашим холдингам на внешних рынках, за пределами созвездия. – Президент вопросительно посмотрел на Бинелли. – И люди, которые дали мне подсказку, уверяли: для Сатура фон Ниддла не существует неразрешимых проблем. Мол, он не только чертовски умен, хитер, но и невероятно удачлив.

– Как прикажете, сэр. – Глава правительства был не в восторге от идеи, но спорить с президентом не хотел. – Только я не уверен, что этот помощник сработается с князем Ольхонским. По-моему, они весьма разные люди.

– Вызовите Руслана Ольхонского! – шагнув к столу, к стационарному коммуникатору, потребовал Брайтнер. – Вызовите прямо сейчас, как можно быстрее!

Арно Бинелли скептически улыбнулся, едва заметно покачал головой, но не произнес ни слова. Мишель Брайтнер вернулся в кресло, сцепил пальцы в замок, оперся на них подбородком.

Не прошло и пяти минут, как в двери кабинета постучали.

– Сэр! – Князь Ольхонский, полный седоватый мужчина с дряблыми щеками, появился на пороге, церемонно поклонился президенту созвездия Возничего. – Доброй ночи, сэр! Я был в здании правительства, еще раз проверял бумаги перед отлетом на Карэлес, когда узнал, что вы хотите...

– Князь! – перебил его Мишель Брайтнер. Он не выбрался из кресла, так и остался в полумраке, отлично видя собеседника, наблюдая за его реакцией. – Князь, вы конечно же знаете, что руководство созвездия утвердило вашу кандидатуру на должность главы дипломатической миссии, отбывающей на Карэлес.

– Да, сэр, – немного растерянно ответил Ольхонский и встревоженно посмотрел на Арно Бинелли. Президент говорил о том, что было известно еще несколько часов назад. – Это большая честь для меня, сэр! Я сделаю все возможное, чтобы победа на тендере...

– Там вы все время будете на виду, – задумчиво, будто не слыша собеседника, поведал Брайтнер. – За вами начнут пристально наблюдать экономические разведки четырех других созвездий. Может, и больше, коли появятся новые участники. А еще – сотрудники Галактического Надзора и шпионы принцессы Дианы.

– Да, сэр, понимаю. Это большая ответственность.

– Враги будут готовы в любую минуту применить силы специального назначения для того, чтобы склонить чашу весов в свою пользу. Применить тайно и подло, возможно – выстрелить из-за угла.

– Сэр! Я счастлив пойти на эту жертву ради Вокса! Поверьте, для меня сейчас нет ничего более важного, чем наша победа на тендере Карэлеса!

– Именно потому, что официальная дипмиссия будет постоянно находиться под прицелом, мы приняли решение использовать еще и независимого консультанта. Так сказать, человека со стороны – со свежим взглядом, с незамылившимся глазом, работающего в тени, вторым номером.

– Независимого специалиста? – осторожно уточнил князь и посмотрел на Арно Бинелли. Тот сморщился, будто положил в рот пару-тройку долек лимона без сахара.

– В качестве независимого эксперта мы намерены использовать барона фон Ниддла.

Князь замер на месте с открытым ртом, будто в макушку угодила молния и на время парализовала его. Потом Ольхонский потер лоб ладонью.

– А Ниддл об этом знает? – без энтузиазма поинтересовался дипломат. – Насколько мне известно, Сатур фон Ниддл берется не за любое дело. Лишь за то, которое его заинтересует.

– Значит, мы сделаем так, чтобы это дело его заинтересовало, – подмигнул Мишель Брайтнер. – Этим займетесь вы, князь, под контролем Арно Бинелли, при участии любых экспертов и специалистов, какие потребуются. Я так понял, вы оба знаете барона фон Ниддла, следовательно, вам и карты в руки. Добейтесь его согласия.

– Как прикажете, сэр. – На лице князя не дрогнул ни один мускул. Первый шок остался позади, и теперь ни по голосу, ни по мимике дипломата невозможно было угадать, что он думает об этой идее президента. – Пусть будет так. Лишь бы независимый эксперт не путался под ногами, не мешал работе официальной дипмиссии.

– Утрясите вопросы меж собой. – Мишель Брайтнер обвел пальцем Бинелли и Ольхонского. – Думаю, надо лишь толково объяснить Ниддлу круг его задач. Я тоже побеседую с ним, чуть позднее. Кстати, Арно, позаботьтесь, чтобы барону выделили группу спецназа для поддержки. Официальная дипмиссия должна охраняться другими людьми, понимаете? Не теми, что будут сопровождать независимого эксперта. Да, и еще! Продумайте систему тайного общения, схему передачи информации – видимо, опять же через офицеров спецназа. Прошу вас, господа! Начинайте работу!

Арно Бинелли и Руслан Ольхонский поклонились первому человеку созвездия Возничего, попятились к двери, а Мишель Брайтнер вновь поглубже забрался в свою норку в углу, сцепил пальцы в замок и замер неподвижно.

Лишь оказавшись за дверью кабинета, Руслан Ольхонский шумно, раздраженно выдохнул.

– Поменьше истерики, мой друг! – тут же отозвался Арно Бинелли. – То была не моя идея. *Ego*. Но до тех пор, пока *он* здесь – первый человек, мы обязаны выполнять приказы. Даже такие.

– Скука, невообразимая скука! – со вздохом сожаления вымолвила Клаудиа. – Высший свет Вокса, да и всего созвездия, стал невыносим! Господи, какая рутина! Все здешние вечеринки похожи друг на друга! Впрочем, вам трудно это заметить, барон, ведь вы так редко бываете возле Капеллы. Наверное, любой светский раут в диковинку? Так ведь?

– Милая Клаудиа, – вкрадчиво заметил ее спутник, легко, почти незаметно притянув девушку к себе, – я имею счастье быть вашим партнером второй танец подряд, а вы по-прежнему не называете меня по имени. Пожалуй, это самое сильное разочарование за последний год...

Теперь Сатур фон Ниддл и Клаудиа Монро прижимались друг к другу, и губы мужчины временами касались мочки уха спутницы – когда барон шептал слова, предназначенные только Клаудии, но не прочим танцующим. Музыка была медленной, негромкой, и Сатур – поспоривший с князем Ольхонским, что сумеет за одну ночь уложить красавицу в постель, – не хотел, чтобы кто-либо услышал, как именно он собирается решать данную задачу.

Со стороны Клаудиа и Сатур представлялись очень эффектной парой, несмотря на личную разницу в прожитом. Молодая брюнетка оказалась почти такого же роста, как фон Ниддл, даже высокие каблуки не позволили ей посмотреть на барона сверху вниз. Спортивный и подтянутый Сатур выглядел моложе своих лет: коротко стриженные светлые волосы скрывали возраст, а волевой, чуть раздвоенный подбородок придавал лицу выражение силы, уверенности.

Длинный черный локон выбился из высокой прически, девушка на миг отстранилась от партнера, легким быстрым движением поправила непослушную прядку. Фон Ниддл перехватил узкую кисть.

– Ах, Сатур! – Кокетливо улыбнувшись, темноокая красавица позволила барону легонько прикоснуться губами к ее пальцам, обтянутым черной шелковой перчаткой. – Я не забыла вашего имени, поверьте.

– Если бы вы знали, Клаудиа, как это волнует сердце! – мгновенно отозвался фон Ниддл, глаза его посветлели. – Первая красавица высшего света Вокса запомнила мое имя!

– Барон, мне только показалось или в вашем голосе промелькнули оттенки иронии? – Молодая кокетка капризно надула губки, попыталась чуть отстраниться от партнера.

Словно хотела продемонстрировать фон Ниддлу: не стоит играть с огнем. Она в любой момент готова выбрать другого спутника на вечер, ибо недостатка в почитателях нет.

Только Сатур, который вел партнершу в танце, не позволил даме выскользнуть из объятий. Он держал ее нежно, но крепко, все время помня о том, что за ходом дуэли с князем Ольхонским внимательно следят секунданты, а на кон поставлено небольшое казино, принадлежавшее фон Ниддлу. В сущности безделица, и от этой потери ничего страшного не случилось бы, но проигрывать не хотелось. Совсем не хотелось.

– Что вы?! Что вы, милая Клаудиа! – И вновь Монро не смогла понять, то ли барон испугался по-настоящему, то ли нацепил маску и по-прежнему смеется над ней. – Умоляю вас, Лу, не делайте этого! Не разбивайте мое несчастное сердце!

– Лу? – Продолжая танцевать, кокетка забавно сморщила носик, будто задумалась. – Лу... Так меня не называл ни один мужчина.

– Я рискну быть первым. – Сатур обольстительно улыбнулся.

При этом его руки скользнули чуть ниже талии, фон Ниддл легонько потянул спутницу, заставляя ее прижаться низом живота к себе.

– Ах, барон! – со вздохом ответила красавица. – Я готова разрешить вам даже это! Сегодня, например, поссорюсь с вами, влеплю пощечину, а завтра опять улетите по делам... как тогда быть? Все же высший свет Вокса невыносимо скучен. Каждый из мужчин, присутствующих в зале, для меня будто открытая книга.

Фон Ниддл не удержался, забавно фыркнул.

– Не верите?! Вон, Сатур, в кругу дам и дипломатов, князь Ольхонский. Разъевшийся боров! Опять рассказывает какие-то небылицы, якобы случавшиеся с ним за годы работы. С одной стороны – богатый человек, известная личность, один из ведущих интриганов-послов Вокса. С другой стороны – тайный обожатель стройных женских ножек. Недавно женился на Агнете Ринкон, светловолосой кукле-пустышке, и теперь вынужден скрывать свое хобби от молодой супруги. Правда, иногда расслабляется в кругу близких друзей. Например, совсем недавно обещал – даже похвалялся – украсть мое сердце, но потерпел сокрушительное поражение. Да, Сатур! По слухам, он грозился жестоко отомстить мне.

– Стоп, Клаудиа! Не надо чужих тайн! – быстро ответил фон Ниддл, хотя полученная информация совсем не была лишней.

Теперь Сатур понимал, отчего князь так настойчиво подбивал его на спор, объектом которого была красавица-брюнетка Монро.

– Ну почему же?! У каждого из нас собственные развлечения, не так ли? Я же не заставляю мужчин пускаться на глупости. Но, коли они делают первый опрометчивый шаг, почему не развлечь себя?

– Первый опрометчивый шаг! – на миг забывшись, пробормотал Сатур фон Ниддл. – Ссами того не зная, вы, Лу, озвучили мой принцип. Кто делает первый шаг – тот проигрывает! Главное найти способ, как направить энергию атакующего против него самого!

– Что?

– Ах нет, ничего! Простите, на секунду отвлекся... О чем вы говорили, прекрасная Лу?

– Видите, вон там, у стены, граф Рудин? В прошлом финансист, ныне политик, влиятельный член правящей партии. Посмотрите на его лицо – какая уверенность в себе, какая мина! Между прочим, граф женат на ослепительной красавице-блондинке Джулии Орес, и все уверены, что он безумно счастлив в браке. А на самом деле? Не далее как два дня назад Рудин умолял меня стать его любовницей. Пытался даже грохнуться на колени, хотя это выглядело весьма смешно: такой солидный, упитанный мужчина, и вдруг – на колени... – Клаудиа фыркнула, на миг отстранилась от барона, прикрыла ладошкой лицо. Но в глазах ее плясали веселые чертики.

– Ах, обворожительная Клаудиа! – Фон Ниддл чуть потянулся губами вперед, к маленькому ушку. Теперь он шептал тихо-тихо, словно между ним и Клаудией была некая интимная тайна, соединившая их в единое целое: – Милая Лу! Вы не представляете, как я его понимаю. Честно говоря... честно говоря, при некоторых обстоятельствах... я бы тоже мог встать перед вами на колени.

– При некоторых обстоятельствах?! – Черноокая красотка посмотрела на мужчину так томно и призывно, что он должен был – обязан! – потерять голову в тот же миг. – И что же это за обстоятельства? Расскажите, барон! Немедленно! До сих пор я была уверена, что любой мужчина встанет на колени передо мной, стоит лишь попросить...

– Очаровательная Лу! А еще недавно вы говорили, что высший свет невыносимо скучен, – отшутился фон Ниддл. – Оказывается, вы позволяете себе маленькие и большие шалости, вынуждая мужчин терять головы.

– Барон, вы ушли от ответа!

– Тогда подарите мне еще один танец, или я не смогу удовлетворить вашу любознательность...

– Приглашайте, Сатур! Приглашайте, несносный, пока я не передумала!

Свет в зале стал более мягким, приглушенным. Зазвучала новая мелодия, очень медленная, тревожащая какие-то потаенные струны в душе, словно оркестр играл не на инструментах – на чем-то неизведанном, скрытом глубоко внутри.

– У вас роскошное платье, Клаудиа. Передайте мои поздравления модельеру, который делал его для вас. Эти обнаженные точеные плечи... Когда танцуешь с вами – невозможно удержаться от желания прикоснуться к ним губами. Это наваждение. Помешательство. А открытая спина?! Так выразительно! Проводишь по шелковистой коже ладонью, пальцами и чувствуешь дрожь... Дрожь молодого, полного сил и желаний тела. Но ваше тело, Клаудиа, спрятано под длинным платьем. Длинным платьем, оставляющим жадным взорам только изящные маленькие туфельки. Невозможно удержаться от желания сорвать эту завесу, чтобы увидеть скрытое под ней!

– Барон! Очень поэтично и еще более смело! Однако вы так и не ответили на вопрос, опять придумали что-то, лишь бы отвлечь меня!

Сатур фон Ниддл, воспользовавшись тем, что полумрак скрывал танцующие пары, прижался губами к обнаженному плечу Клаудии, потом, прежде чем спутница успела прийти в себя, нашел пульсирующую жилку на шее, пробежал по ней кончиком языка. И притянул кокетку к себе, крепко обнял, точно уловив момент, когда девушка захотела оттолкнуть чрезмерно смелого кавалера.

– Барон!!! – чуть громче, чем следовало, выдохнула Клаудиа. Впрочем, она тут же опомнилась, едва любопытные взоры сосредоточились на остановившейся паре. – Барон, еще немного, и вы будете внесены в списки наглых и скучных мужчин, обитающих на Воксе!

– Напрасно, Лу! – весело и как-то беззаботно отозвался Сатур, увлекая партнершу за собой. – Это будет вашей страшной ошибкой. Я – другой!

«Я другой, Лу. Это правда. Конечно, меня интересует и казино, которое я могу проиграть Ольхонскому, и твое роскошное тело – настоящий подарок для ценителя... Но еще больше меня интересует сложная задача, которую я взялся решить к утру... Пусть я сейчас на отдыхе, но тренировка никогда не бывает лишней. Встречала таких мужчин, Лу? Которым сам путь дороже результата?»

Светская красавица вновь наморщила носик, пристально разглядывая партнера. Будто оценивала его или пыталась прочесть что-то такое внутри, что было невозможно постичь сразу.

– У вас даже глаза меняют цвет в зависимости от того, о чем вы размышляете... – задумчиво проговорила она. – Многие мужчины здесь – открытая книга для меня. Многие, но не вы, Сатур.

И вновь фон Ниддл отозвался мгновенно, не тратя ни секунды на обдумывание ответа:

– Так это же хорошо, милая Клаудиа. Это хорошо! Потому что сегодня вечером вам не скучно!

– Черт, почему-то все время кажется, будто вы морочите мне голову... – немного помолчав, честно признала девушка.

– Нет-нет, милая Лу, все именно так, как вам подумалось в первые секунды: я собираюсь затащить вас в постель, а потому пустил в ход все свое обаяние, чтобы выполнить поставленную задачу.

– Барон, сейчас я влеплю вам пощечину!

– Вот тогда бал получится действительно нескучным! – Фон Ниддл жизнерадостно расхохотался. – Начинайте, Лу! Сделаем все возможное, чтобы об этой вечеринке говорили долго!

Клаудиа Монро вздохнула и беспомощно посмотрела на него.

– Все-таки вы морочите мне голову.

– Вам же было скучно, Лу? А теперь – нет! Я уверен, не скучно! Когда расстанемся, будете вспоминать этот бал, потому что он не похож на другие!

– Да уж, это точно. – Теперь Клаудиа Монро смотрела на барона по-другому, широко раскрытыми глазами, в глубине которых плескалось недоумение, почти испуг.

– Нет-нет, прекрасная Лу! Я вижу страх в ваших глазах. Это абсолютно напрасно, я не опасен. Никогда – ни при каких обстоятельствах – не причиню вам вреда или боли. Я здесь на отдыхе...

Черноволосая красавица остановилась прямо посреди зала, позабыв о мелодии.

– А если бы вы были не на отдыхе – смогли бы? – пристально глядя на партнера, вымолвила она. – Барон... У меня вдруг появилось очень странное чувство... внутри... это не на уровне мозга, разума... показалось... показалось, будто я разговариваю не с человеком.

– Не с человеком?

– С каким-то монстром, для которого я – игрушка. От этого очень неприятно. Вернее даже страшно.

– Совершенно напрасно, милая Лу! Хотите, скажу, в чем ваша ошибка? Просто красивые женщины редко бывают умными. Большинство смазливых куколок считают себя подарком для мужчины. Вечным подарком, которому надо потакать во всем, прощать любые глупости. Такая модель поведения идет во вред самой кукле, она быстро теряет даже то небольшое, что имела, но не понимает причину. Винаваты все кругом, только не она сама. Мужчины знают это. Поэтому, если видят красивую женщину, заранее считают ее дурой, подстраиваются под определенный уровень – общения, диалогов, мыслей. Но вы не только очень красивая женщина, вы еще и умная, я вижу это. И сейчас, когда я не пытаюсь разговаривать с вами, как с дурочкой, вы испытываете страх. Страх перед чем-то новым, неизведанным. Вы привыкли, что мужчины ведут себя по-другому, примитивно, только и всего. Потому, Лу, прекратите слишком много думать, в смысле внимательно анализировать мое поведение. Пойдемте выпьем по коктейлю, и я окончательно развею вашу скуку, рассказав историю о ней.

– Историю о скуке? – Обольстительно улыбнувшись, Клаудиа Монро подала ему ладонку. – Ведите, барон! Считайте, вы заработали немало очков. Достаточно много для того, чтобы сегодня вечером я перестала смотреть в сторону других мужчин. Ведите! Только помните, после коктейлей вы обещали историю про скуку. И не ждите, что сумеете заморочить мне голову. Обещали и расскажете! И я от вас не отстану!

«Нас связывает гораздо больше, чем эта история, красавица Лу. Да, связывает. По крайней мере, до рассвета, когда я возьму тебя и выиграю у князя Ольхонского... И все же, несмотря на заманчивый приз в конце гонки, сам путь интереснее результата. Такова моя натура...»

– Так вот о скуке... Знаете ли вы, Клаудиа, о малочисленном народе хунчей, обитающем в верхних широтах Вокса, возле полярных шапок и Северного океана? – поинтересовался Сатур фон Ниддл, когда они перешли в соседний зал и взяли по бокалу вина.

Девушка с улыбкой покачала головой и пригубила напиток.

– Очень маленький народ, много веков подряд живущий замкнуто, в удалении от цивилизации. Люди вышли в космос, расселились по тысячам планет, а хунчи все так же, как и их дремучие предки, живут возле холодного океана, в юртах. Знаете про юрты? Это такие кожаные... хм... домики. Нет, я неправильно выразился. Не совсем домики – а то вы не сможете себе представить.

Хунчи пасут северных маралов, рогатых копытных животных. У нас, жителей Вокса, ценятся украшения из рогов маралов. Это естественный материал, безделушки из него стоят значительно дороже, чем из полипластмассы, пенопластика или других искусственных производных. Да и у вас, Лу, в волосах я вижу заколку не из композитного материала. Так что, возможно, вы ничего не слышали о хунчах, но используете результаты их труда для обольщения мужчин. Пардон! Для того чтобы придать вашей красоте достойное обрамление.

Так вот, возвращаясь к юртам. Хунчи пасут северных маралов, а дома строят из шкур животных. Вкапывают в землю деревянные шесты и растягивают на кольшках шатры из кожи,

снятой с убитых животных. Понимаете? Такой дом стоит прямо на мерзлой земле, в нем нет ни ярусов, ни этажей, ни кухни, ни гостиной, ни туалетной комнаты. Только одно большое помещение, в котором обитают все – и мужчины, и женщины, и дети. Одна семья – одна комната, один дом. В смысле одна юрта.

Мужчины пасут маралов – день за днем, год за годом. Всю жизнь. Женщины растят детей, готовят еду, стирают белье, собирают травы и ягоды. Лу, вы говорите – кругом скука, невыносимая скука? Представьте на миг, что вы родились среди хунчей, мальчиком. Выросли. Понедельник. Вы пасете маралов. Вторник. Вы пасете маралов. Среда. Вы пасете маралов. Четверг. Вы пасете маралов. Пятница. Вы пасете маралов. Суббота... Думаете, уик-энд? Вы жестоко ошибаетесь, Лу! Маралы не знают, что такое уик-энд. Потому вы снова пасете животных, чтобы не разбежались, чтобы никто их не украл, не съел. Воскресенье, Клаудиа! Знаете, чем вы занимаетесь? Правильно, пасете маралов!

У вас только один выходной в году – тот день, когда приезжают торговцы, которые покупают ваших животных, обменивая маралов на дешевое пойло, на никчемные безделушки. В вашей жизни праздник. Вы радуетесь до полного забытья, а когда приходит похмелье, выбираетесь из пьяного угара – в юрте сидят жена и выводок голодных детишек. Сидят и смотрят на вас. Они ждут: когда вы пойдете пасти маралов? Потом вы вернетесь домой и получите на ужин солонину, которую будете есть до следующего приезда торговцев...

Вы не знаете, что такое водопроводный кран, горячую воду видите лишь изредка – когда жена согреет ее в огромном котле, прямо над костром. По-настоящему вы моетесь только два раза в жизни: когда родились и сразу после смерти.

Представили это, Лу? Думаете, у вас есть выбор? Нет! Все дело в том, что если вы будете плохо пасти маралов, то умрете от голода. Вы умрете, и вся семья тоже. А теперь хотите, расскажу про жизнь девочек-хунчей? Нет? Понял!

Посмотрите вокруг, Лу! У вас в руках бокал с вином. Вы в теплом огромном доме. На вас – потрясающий наряд, и я уверен – совсем недавно вы нежились под струями горячей воды. Как раз тогда, когда собирались на эту вечеринку. Потом втирали в кожу благоухающие масла, надевали красивое белье, а сверху – это невероятное платье, открывающее взорам точеные плечи, спину, к которой хочется прикоснуться рукой... Вы расчесали локоны, Клаудиа, сделали высокую укладку и вставили в волосы крошечный привет от народа хунчей – изящную костяную заколку... Маленькую заколку, за которую, быть может, кто-то отдал годы жизни.

– Довольно, Сатур! Вы мастер не только говорить комплименты, но и портить настроение... – Клаудиа капризно надула губки, поставила бокал на столик.

– Нет, милая! – Барон обнял ее за талию. – Просто, когда вы говорите «мне скучно», я невольно думаю о том, как живут другие люди. В сущности такие же люди, как мы. Просто по воле Всевышнего случилось, что они родились в другом месте.

Клаудиа Монро помолчала, потом взглянула на фон Ниддла.

– Ну что ж... – медленно выговорила она, – вы действительно рассказали о скуке, как обещали... Более того... более того... думаю, отучили меня произносить фразу «мне скучно»... ибо получается, что я – невероятно богатый человек... вот только... только... почему так... в душе? Надо бы радоваться, а там пусто и гадко?

Барон знаком остановил стюарда, снял с подноса высокий фужер с темно-желтым напитком.

– Выпейте чего-нибудь покрепче, милая Лу! Не бойтесь, – тут же добавил он, увидев сомнение в глазах красотки, – этот коктейль не лишит рассудка, я не планировал спить вас и воспользоваться вашей беспомощностью. Это просто развеет тоску, проверено на опыте. Берите. Берите, смелее! Пойдемте на балкон, к звездам. – Крепче обняв за талию, барон увлек ее из зала, чуть ли не силой заставив девушку переставлять ноги.

– Все-таки вы обманули меня, Сатур! – Клаудиа отпила из фужера, на миг закрыла глаза: от крепкого напитка перехватило дыхание. – Обманули, барон! Прогнали скуку, но испортили настроение.

– А вы не думайте ни о чем сложном, – вкрадчиво предложил фон Ниддл. – Просто выпейте еще глоток и стойте молча. Попробуйте стать частью окружающего мира, послушайте ночь.

Клаудиа выпила. Застыла, потом, чуть поколебавшись, положила голову на плечо спутника.

– Сколько звезд! – прошептала она. – Господи, неужели везде живут люди? Где-то веселятся, а где-то с ненавистью встречают каждое загорающее утро. Это невозможно...

– Не везде, Лу. – Фон Ниддл чуть наклонился, поцеловал ее в висок. – Многие системы мертвы. Они сияют ярко, кажутся безумно красивыми. Издали. Только это обман, там нет ничего, кроме ледяного молчания.

– Вы счастливый человек, барон, – Клаудиа задрожала, будто от холода, – много путешествуете, много видите... разного. И живые миры, и ледяные, мертвые. С вами интересно. Только... только...

– Только?

– Один раз вы напугали меня, Сатур! Сегодня, когда сказали, что не причините мне вреда и боли. И тут же добавили: «Потому что я здесь на отдыхе». Это прозвучало так... так... Сатур, мне не объяснить... А если бы не на отдыхе?! Я поверила без всяких доказательств, просто почувствовала, поняла, что вы не лгали.

Барон не ответил. Девушка вдруг подняла голову с его плеча.

– Сатур! – Она шагнула так, чтобы оказаться лицом к лицу с бароном, заглянула в глаза.

– Да, Лу?

– Расскажи мне о своей работе! Расскажи, чем занимаешься там, на звездах? Ты напугал меня, но я хочу узнать тебя лучше.

– Разве для этого нужно говорить о моей работе? – с легкой усмешкой спросил фон Ниддл, отметив, что очаровательная брюнетка непроизвольно перешла на «ты». – По-моему, во все века, чтобы мужчина и женщина лучше узнали друг друга, они делали так...

Он медленно потянулся губами к лицу девушки, прикоснулся, не закрывая глаз. Замер, словно ждал, что сделает Клаудиа. Как отреагирует на этот неожиданный поступок? Красавица не отстранилась и даже не вспомнила о том, что можно было бы вклепить пощечину. Ее губы дрогнули, отвечая на легкое прикосновение. А потом все исчезло.

– Сатур! Ты опять уходишь от вопросов! – На щеках Лу вспыхнул румянец, но не от смущения, скорее оттого, что барон вновь заморочил ей голову, не ответил. – Сатур! Это нечестно! Я вдруг подумала: быть может, я встретила настоящего мужчину, впервые в жизни! Такого, рядом с которым интересно. Но ты ускользаешь от любых прямых вопросов. Ты морочишь мне голову, как... как глупой девчонке!

– У меня довольно скучная работа. – Фон Ниддл скептически пожал плечами. – Извини, Лу! Просто я подумал, что поцелуй под звездным небом гораздо более волнительная и интересная вещь, нежели повествование о моих трудовых буднях.

– О трудовых буднях?! – Клаудиа широко распахнула глаза. – Сатур! О трудовых буднях?!

Губы ее остались полуоткрытыми, и фон Ниддл поцеловал Клаудию еще раз, не забывая о том, что до рассвета еще далеко, но время – странная штука. Иногда кажется, что его много, а потом вдруг – раз, и нет ни капли.

– Прости, не удержался, – с усмешкой сказал он. – Прости, Лу! Я много раз за вечер сказал, что ты очень красивая женщина. Невероятно, невозможно красивая. Но сейчас, когда ты стояла напротив меня, приоткрыв губы... Прости, не смог удержаться. Это выше моих сил.

– Подлец! – без злости, задумчиво сказала Клаудиа. – Пользуешься слабостью. И все же я добьюсь от тебя ответа на вопрос! Не верю в сказки про трудовые будни! Ты не мелкий клерк, это известно любому!

– Лу! – взмолился барон. – Это и вправду не очень интересно. Ну да, я не мелкий клерк. Я специалист высокого класса, редкой профессии. Кризис-менеджер, так это называется. Моя работа – решать вопросы, которые не могут решить другие. Да, я помогаю коммерческим структурам Вокса и созвездия Возничего, за это мне хорошо платят. За это ценят.

– Красиво сказано: «помогаю коммерческим структурам Вокса и созвездия Возничего»...

– Лу! Ты умрешь от скуки, если я начну пересказывать, в чем состоит моя работа, – терпеливо повторил фон Ниддл, притягивая красавицу к себе. – Поверь, это почти то же самое, что пересказывать по ходам, как развивалась чья-то шахматная партия. Я помогаю людям достичь нужного результата. А про мой главный принцип в работе ты уже слышала: кто делает первый ход – тот проигрывает. Задача крайне проста: обратить энергию атакующего против него самого!

Он потянулся к губам девушки, намереваясь еще раз поцеловать, но пальцы в тонкой перчатке остановили его.

– И кто из нас двоих сейчас атакует? – поинтересовалась Клаудиа, изящно качнув бедрами.

Он застыл, открыв рот.

– Ага, на этот вопрос я получила ответ! – лукаво отметила красавица и призывно улыбнулась. – Тогда спрошу еще: кто же должен проиграть, если атакующий известен?

Сатур фон Ниддл взял бокал из рук кокетки, залпом выпил янтарную жидкость.

– Пойдем танцевать! – Игриво стрелкнув глазками, Клаудиа потащила его в зал.

Он так и не нашел, что ответить, молча подчинился.

– Так что? – Красавица прижалась к нему бедрами и низом живота, обвила руками шею. – Почему замолчал мой кавалер? Я не услышала: кто же должен проиграть *в этой партии*, если атакующий известен?

– Гм... – Фон Ниддл прочистил горло. – Если бы... если бы я играл против самого себя, то... то знал бы точно: проиграть должен Сатур фон Ниддл.

Клаудиа звонко рассмеялась.

– Хорошо сказано! – признала она. – Не подкопаешься. Если Сатур фон Ниддл играет сам против себя, один из них двоих точно должен проиграть. Вот только *какого из двух* имел в виду мой кавалер?

– Пожалуй, я выпил слишком мало, чтобы понимать такие головоломки... – с усмешкой заявил барон, вновь уклоняясь от ответа.

– Сатур... – Клаудиа остановилась, забыв о танце, посмотрела на партнера. – Сатур, правда же я достойный противник?

– Противник?! – Он удивился абсолютно искренно. – Лу, разве мы противники? Для меня это неприятная новость. Почти трагическая.

– Да нет, же, я неправильно выразилась! Просто на миг представь, что я – твой противник. Легко ли тебе было бы со мной справиться? Разве я недостойна тебя?

– Достойна! Достойна! – мигом отозвался он, с жаром притягивая девушку к себе. – Еще как достойна! – Сатур услышал простой и понятный вопрос, на который мог без проблем дать простой и понятный ответ.

– Барон, вы чудовище! – с трудом прошептала Клаудиа, переводя дух после сумасшедшего поцелуя. – Я спрашивала о другом!

– Прости, Лу! Наверное, я не совсем правильно угадал...

– Сатур!!! – Ему показалось, на ресницах Клаудии задрожали слезы. – Я прошу тебя... Умоляю, перестань морочить мне голову! Уверена, ты все понимаешь. Все, о чем я спрашиваю. Просто мастерски уходишь от ответов на сложные вопросы, замечая лишь простые. Сатур! Пожалуйста, ответь! Неужели ты не понимаешь, о чем я говорю?! Мне на Воксе нет места. Здесь... ладно, я не буду говорить «скучно». Здесь все невыносимо просто. Каждому предначертана какая-то дорога, и свернуть с нее почти невозможно. Более того, никто и не хочет сворачивать, думая: пусть все идет, как идет. Но сегодня я встретила тебя и вдруг поняла, что жизнь, она более сложная. В ней можно свернуть со своей колеи, выбрать что-то другое. Новое, интересное. Сатур! Я хочу путешествовать! Хочу узнать другие миры! Пожалуйста, ответь! Ты же видишь: я могу быть томной, капризной кокеткой, могу быть обольстительной светской львицей, могу быть умной женщиной, надежным помощником...

– Ты просто выпила коктейль на основе маврозийского рома, – перебил фон Ниддл, сообразив, к чему клонит девушка. Она вдруг надумала стать его спутницей, в то время как барон преследовал совсем другие цели. Он должен был всего лишь уложить красотку в постель, до того как наступит рассвет. Постель, и не более. – Прости, Лу! Бывает, маврозийский ром странно действует на людей. С моей стороны было бы некрасиво воспользоваться этим. Подлю, нечестно. Пойдем подышим воздухом?

Он вновь увлек дрожавшую красавицу из зала в ночную мглу, под маленькие фонарики звезд. Заставил ее шагнуть к перилам, а сам встал за спиной, целуя голые плечи, нежную кожу шеи, выбившийся локон... Руки фон Ниддла скользнули по бедрам Лу, дрогнули, будто сожалели, что прекрасное тело скрыто под тонкой тканью, – девушка почувствовала это.

– Давай оставим сложный разговор о будущем на утро, – вкрадчиво предложил Сатур. – Пока я не отвечу тебе ни «да», ни «нет». Но не потому, что «да» – невозможно. Просто... просто сейчас ты плохо контролируешь себя... из-за выпитого маврозийского рома. Вспомни, какой ты была в начале вечера, и какой стала сейчас. Это ром толкает на необдуманные шаги! Жизнь представляется не такой, какая она на самом деле. Тебе кажется, что здесь плохо? Но разве это действительно так, Лу?! Ты – первая красавица среди незамужних дам высшего света. Ты могла бы найти выгодную партию, стать женой какого-нибудь посла, дипломата. Или банкира, бизнесмена. Всю жизнь не думать о рутинных проблемах, о необходимости добывать деньги на пропитание, даже на украшения и наряды...

Красавица дернулась, будто хотела развернуться, встать лицом к барону, но тот крепче обнял ее, не позволил.

– Не спорь, Лу! Я старше. Тебе двадцать три, а мне почти сорок. Я лучше знаю жизнь. И знаю, что такое маврозийский ром... А потому давай отложим серьезный разговор до утра, когда весь мир вокруг станет другим. А пока... пока... Твои слова о скуке, о предначертанной дороге заставили меня вспомнить еще одну притчу. Я хотел бы рассказать ее тебе. Не возражаешь?

Он чуть наклонился вперед, прижался губами к маленькому ушку Клаудии, затем поцеловал ее в шею. Еще и еще раз. Ладони его вновь дрогнули, ласково скользнули по бедрам девушки чуть вверх, потом вниз, нежно пробираясь между ног.

– Это и есть «еще одна притча»? – с усмешкой поинтересовалась Клаудиа. – Пожалуй, что-то такое я уже слышала. Возможно, не столь мастерски рассказанное, но...

– Прости. – Фон Ниддл нежно поцеловал пульсирующую на ее шее жилку. – Я тоже выпил маврозийского рома из твоего бокала. Одна и та же жидкость бежит по нашим венам, заставляя терять голову.

– И все же притча?... – поймав его руки и крепко сжав их, напомнила Клаудиа.

– Один мудрый философ собрал учеников, – начал рассказ фон Ниддл, – собрал, чтобы преподать им урок о жизни. Он взял прозрачную банку и наполнил ее довольно крупными камнями. Наполнил доверху, даже потряс, потом добавил еще несколько штук.

«Полна ли банка?» – спросил философ у своих учеников, когда убедился, что больше ни один камень туда не влезет. «Конечно!» – без колебаний ответили те, кто следили за его манипуляциями. Тогда учитель взял пакет сушеного гороха, высыпал сверху и долго тряс, чтобы горошины заняли пустоты между более крупными по размерам камнями.

«Полна ли теперь банка?» – во второй раз спросил он. «О да, учитель! Теперь она, без сомнения, полна!» Тогда философ высыпал в банку пригоршню песка, еще одну, за ней еще, еще. Он сыпал и сыпал, а песок все проникал в пустоты, оставшиеся между камнями и горошинами.

«Ну, полна ли банка?» – с усмешкой поинтересовался философ у своих учеников. «Кажется, да, – после долгих раздумий ответили те. – Скорее всего, туда уже ничего не поместится...» И тогда учитель вытащил из пакета две алюминиевые банки пива, вскрыл их и вылил в емкость, чтобы песок пропитался влагой.

Лишь когда пиво полностью исчезло в стеклянной банке, философ посмотрел на учеников. «Банка – это ваша жизнь, – сказал он. – Камни – самое важное, что есть в вашем бытии. Это здоровье, друзья, принципы, чуть позднее – семья и дети. В общем, все, без чего жизнь перестает быть полной, осмысленной. А горох – то, что стало важным лично для вас. Работа, увлечения, путешествия, какие-то встречи и расставания, картины из прошлого – все, что придает жизни оттенки и краски. Ну а песок – прочие мелочи, важные и неважные, зачастую – просто глупые, непонятные никому, кроме вас лично. Так вот, если сразу наполнить банку песком – в ней не останется места для камней или гороха. А если наполнить горохом – не найдется возможности положить камни. Мудрый человек сразу поймет, о чем я хотел сказать: не стоит тратить жизнь и свою энергию на какие-то мелочи, не оставляя места для важнейших вещей. Определите, что является камнями в вашей жизни, – говорил философ, – наполняйте сосуд жизни в первую очередь ими. Никогда не забывайте про семью и детей, встречайтесь с друзьями, близкими людьми. Только потом, во вторую очередь, думайте о работе или увлечениях. Ну а песок... песок... он всегда заполнит любые пустоты, большие и маленькие, которые останутся в сосуде».

«Но, учитель! А к чему же тогда пиво, которое было вылито в банку в последнюю очередь?!» – спросили ученики.

«Хорошо, что вспомнили об этом, – с улыбкой ответил философ. – Я просто хотел намекнуть: в жизни, как бы она ни была занята и перегружена делами, событиями, всегда останется место для пары банок хорошего пива...»

Клаудиа звонко рассмеялась, прижалась спиной к фон Ниддлу.

– Отлично, Сатур! – похвалила она. – Вот теперь ты меня действительно развеселил! Спасибо!

– Милая Клаудиа, – барон нежно подхватил узкую ладошку в черной перчатке, прижал к губам. – У этой истории двойная мораль. Я далек от мысли предлагать даме из высшего света баночное пиво. Думаю, его надо заменить вином. Хорошим легким вином! Уверен, несмотря на все события прошедшего вечера, мы найдем возможность выпить еще по бокалу отличного вина из моих личных запасов.

– Из личных запасов? – Клаудиа повернулась лицом к барону, оперлась руками на перила балкона. Грудь девушки красиво очертилась под тонким платьем. – Ты сказал, из личных запасов, Сатур? Это приглашение в гости?

– Ненавязчивое, – кивнул он, – только если захочешь. Выбор за дамой. Мы могли бы прогуляться по ночному городу, любясь звездами, а потом выпить по бокалу вина. То было бы прекрасное завершение необычной ночи.

– Я принимаю приглашение, Сатур! – Клаудиа церемонно подала ему руку, ее пальцы чуть заметно дрогнули, когда коснулись ладони мужчины. – Давай уйдем отсюда, в зале стало немного душно и... и скучно!

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись. А потом барон обнял Клаудию Монро за плечи, увлекая на темные улицы, над которыми сияли яркие огоньки далеких звезд.

– Даже не знаю, Сатур, что мне понравилось больше: прогулка по ночному городу, под звездами, или прекрасное вино из твоих личных запасов... – призналась Клаудия, когда они, оставив пустые бокалы на столике, неспешно кружились по гостиной.

Фон Ниддл выбрал совсем медленную мелодию, струящуюся с потолка через искусно замаскированные динамики. Теперь, когда позади осталась значительная часть ночи, и женщина, и мужчина испытывали легкую усталость, им не хотелось чего-то резкого, динамичного.

Мелодия, растворившаяся в воздухе, позволяла двигаться неторопливо, прижимаясь друг к другу. Сейчас вокруг не было любопытных или завистливых глаз, и Сатур, не стеснясь, притягивал девушку к себе. Двигался лениво, будто полусонный кот, обнимая партнершу уже не за талию – его руки скользнули ниже, на бедра и чуть назад, лаская Клаудию.

– Зато я точно знаю, что мне нравится больше всего этой ночью, – прошептал он ей на ухо.

– Правда? – Клаудия, чутко улавливая все движения партнера, следовавшая в его ритме, на миг приоткрыла глаза, посмотрела на фон Ниддла. – И что же это?

– Ты. – Он поцеловал дрогнувшие алые губы.

– Значит, я угадала... – Клаудия довольно улыбнулась.

– Думаю, это было не очень трудно, – философски заметил барон, нежно проводя ладонью по голой спине партнерши. – Тем более я с самого начала не скрывал...

Он мог быть доволен собой. До рассвета оставалось еще несколько часов, а задача почти решена. Оставалось совсем немного, чтобы выиграть спор у князя Ольхонского.

– Я, наверное, старею, – вдруг сказала Клаудия, обвивая его шею руками. – Раньше было по-другому, могла танцевать всю ночь, а теперь ноги устали.

– Ты не стареешь, а расцветаешь, в усталости виновата прогулка по ночному городу, – утешил ее фон Ниддл. – На таких каблуках, как у тебя, нелегко бродить по мостовым...

– Ноги и вправду болят, хотя мне очень понравилось гулять по спящим улицам, – призналась красавица. – Даже немного стыдно, не знаю, смогу ли подарить тебе еще один танец.

– Этого достаточно, – с усмешкой заверил фон Ниддл, – я натанцевался на год вперед. А теперь, Лу, разреши показать гостевые спальни в доме. Ты можешь выбрать любую из них – какая больше понравится.

– Я согласна на ту, что поближе сюда. – Клаудия потерлась носом о щеку мужчины. – Согласна, не торгуясь.

Сатур понял: спиртное и усталость, превратившиеся в его союзников, доделали начатое им.

– Я донесу тебя. – Он легко подхватил черноволосую красотку, прежде чем та успела что-либо ответить. – Клянусь, это самый приятный груз, который мне доводилось поднимать на руки в своей жизни!

– Обманщик.

– Нет, Лу!

– Искусный льстец.

– Мм. Возможно.

– Похититель женских сердец!

– Протестую, Лу! Одного! Только одного!

– У меня нет сил, чтобы проверять, солгал ли ты вновь...

Барон плечом толкнул дверь гостиной, аккуратно вынес драгоценную ношу в коридор. Неторопливо, словно держал на руках невесомую пушинку, направился к лестнице на второй этаж.

– Позволь, Лу, пока совершаем это небольшое путешествие, я расскажу еще одну притчу. Вернее слегка пошлую сказку на ночь.

– Сказку на ночь – под утро, перед рассветом?! – рассмеялась Клаудиа, глаза ее заблестели. – Для взрослых девочек?! Как интересно! Давай!!!

– Жил-был мальчик, назовем его Клаусом, который, едва только возмужал, то есть почувствовал себя достаточно взрослым, решил обосноваться отдельно от родителей. Как-то раз мама, конечно же волновавшаяся за сына, решила навестить его на новом месте. Оказалось, тот обитает в двухкомнатном доме, и вторую комнату занимает девица – мама слышала о ней: Клаус несколько раз упоминал о соседке вскользь.

Виктория оказалась очень приятной девушкой, вежливой и миленькой. Только почему-то немного смущалась в присутствии матери Клауса. Конечно, опытная женщина почувствовала: тут есть какая-то тайна. В течение ужина она пыталась найти способ установить, что в отношениях сына и Виктории кроется нечто большее, нежели оба пытаются показать.

Разумеется, Клаус догадался о мыслях матери. В те минуты, когда девушка ненадолго покинула кухню, где они все вместе пили чай, сын категорично и твердо заявил: «Мама, я знаю, о чем ты думаешь, но, поверь, мы с Викторией только соседи». – Сатур фон Ниддл миновал лестницу, ступил на мягкий ковер второго этажа. Клаудиа обвила его шею руками и молча слушала, ожидая какой-то изюминки в истории. – Собственно, на том вечер и закончился. Мать уехала, не получив точного ответа. Однако на следующее утро немного растерянная Виктория обратилась к парню: «Знаешь, после того как у нас поужинала твоя мама, я нигде не могу отыскать серебряную сахарницу. Клаус, я все понимаю. Конечно, глупо подозревать твою маму в краже – я далека от этого. Ужасно неприятно поднимать такой вопрос... Но... но, быть может... как-нибудь в разговоре... ты постарайся *деликатно* выяснить у мамы, не видела ли она сахарницу? Может, случайно поставила в какой-то шкафчик? Только, умоляю, Клаус, спрашивай поаккуратнее, ведь маму никто ни в чем не подозревает...» Клаус немного подумал, пошатался по квартире, вытащил коммуникатор и тут, поймав вдохновение, набрал следующее послание, адресованное матери: «Дорогая мама, я не хочу сказать, что ты ВЗЯЛА сахарницу, я также не говорю, что ты ее НЕ БРАЛА. Просто факт остается фактом: после твоего ухода сахарница исчезла. С любовью, Клаус...»

Прошло несколько минут, в течение которых молодые люди гадали, что теперь подумает о них мать Клауса, а потом на коммуникатор пришел ответ: «Милый Клаус! Я не говорю, что ты СПИШЬ с Викторией, я также не сказала, что ты НЕ СПИШЬ с ней. Просто факт остается фактом: если бы Виктория ночевала в своей постели, она еще вчера нашла бы там сахарницу. С любовью, мама».

Клаудиа фыркнула, потом не выдержала – прыснула со смеху, обнажив ровные белые зубы. Сатур вошел в спальню, аккуратно – спиной – прикрыл дверь. Двинулся к постели, глядя девушке в глаза.

– В этой истории есть какая-то скрытая мораль? – поинтересовалась Клаудиа, когда Сатур опустил ее на белые простыни и присел рядом. – За вечер я привыкла: многое из того, что ты говоришь, имеет двойной смысл.

– Да, – улыбнулся он. – Если бы сегодня вечером мама оставила сахарницу в твоей постели, к утру ты ее точно не нашла бы.

Клаудиа звонко рассмеялась, тряхнула головой, и высокая прическа сбилась. Девушка потянулась руками к волосам, намереваясь поправить локоны, но Сатур перехватил ее ладони, провел их выше, прижал к простыням, словно попросил замереть так.

– Не надо, – тихо вымолвил он. – Не надо, Лу! Не стоит поправлять волосы. Достаточно. Ты уже была безукоризненно одетой и причесанной, а теперь настало другое время. Я хочу видеть тебя иной, какой не видят прочие мужчины. – Он медленно, аккуратно вытащил из черных волос Клаудии заколки, убрал их на столик.

Клаудиа прикрыла глаза, тряхнула головой, позволив черной волне растечься по белым простыням. Замерла так, как просил Сатур, не мешая любоваться ее телом.

– По-моему, ты уже взял меня, – прошептала она, не поднимая ресниц. – Взял глазами.

– Да. И не один раз, – признал он, обнял Клаудию за бедра, прижался губами к низу живота.

Именно в этот миг раздался мелодичный сигнал коммуникатора. Тихий сигнал, показавшийся обоим чем-то вроде ракетного залпа, прозвучавшего в двух шагах.

– Нет!.. – хрипло простонал Сатур. – Только не это!

Он выхватил маленький аппарат из заднего кармана, резко нажал «отбой», отбросил мешающую коробочку в сторону, за подушки. Стиснул добычу в объятиях.

– Сатур... – прошептала Клаудиа, тонкими пальцами проводя по его лицу. – Быть может, это звучит глупо... мне хорошо у тебя...

Коммуникатор сработал вновь. Теперь тон вызова был другим, не похожим на сигнал, который звучал в первый раз. Приоритетный звонок. Выходит, точно не Ольхонский...

– Ч-ч-черт! – ругнулся фон Ниддл, хватая аппарат. – Да! Да, вашу мать! Слушаю!!!

Клаудиа приподнялась на постели, опершись на руку. Она с тревогой смотрела на Сатура – лицо его стало совершенно другим: каменным, темным.

– Что?! – едва слышно выдохнул он.

Клаудиа не слышала, какие именно слова произносил собеседник барона, но понимала – происходит что-то не просто неожиданное. Что-то страшное и неприятное.

Фон Ниддл резко поднялся со смятой постели, шагнул к двери в спальню, дрогнувшей рукой толкнул ее. Клаудиа вскрикнула от испуга: в коридоре, будто неподвижный истукан, стоял солдат в бронежилете, с темной сферой, опущенной на лицо. Ствол лазерного автомата был поднят вверх.

– Да, вижу! – сказал Сатур и, скрипнув зубами, отошел от двери.

Вернулся к постели, присел рядом с дрожащей девушкой, обнял ее за плечи, притянул к себе.

И опять Клаудиа уловила лишь тихое бормотание в трубке, но не разобрала ни слова. А солдат вошел в спальню, уселся в кресло около дверей. Следом за ним появился второй, подошел к окну, задернул шторы, хотя снаружи было еще темно, рассвет не наступил.

– Да, хорошо, – мрачно ответил фон Ниддл на тираду неизвестного Клаудии собеседника. – Хорошо, я сейчас приеду! Только мне нужны стопроцентные гарантии, что с девушкой ничего...

Черная коробочка опять забормотала, а Клаудиа вцепилась в руку барона.

– Сатур! – умоляюще прошептала она, вдруг угадав, *что* требовали от ее кавалера. – Я поеду с тобой!!! Ни за что! Ни за что не останусь здесь... одна... с этими...

– Мне нужны железобетонные гарантии! – нервно выкрикнул фон Ниддл. – Вы не понимаете, что наделали! Если Клаудии Монро будет причинен хоть малейший вред, весь мой опыт, все искусство будут обращены против...

И снова бормотание, теперь – чуть более громкое. Клаудиа упала на постель, зарылась лицом в одеяло. Она не выдержала напряжения – томительной неизвестности – и заплакала.

– Да, хорошо! Хорошо, черт вас побери! Еду!!!

Фон Ниддл тихо, длинно выругался – в сторону, потом обнял Клаудию за плечи.

– Ну-ну, Лу! Не надо! Не надо так переживать! Ну же, красавица моя! – Он приподнял девушку, прижал заплаканным лицом к груди.

– Что они хотят, Сатур? Кто это?! – всхлипнула Клаудиа. – Почему они так... со мной... с нами...

Барон вздохнул, помедлил, прежде, чем ответить.

– Лу, сейчас я о многом не могу рассказать. Поверь, милая, это правда. Мне запретили говорить, но я сам знаю, что лучше молчать. Лучше – для твоей же безопасности. Мне дали слово, что никто не посмеет прикоснуться к тебе. Гарантии дали серьезные люди. Очень серьезные.

– Я хочу с тобой! С тобой! Не оставляй меня здесь! – выкрикнула перепуганная Клаудиа, не открывая глаз. Она не могла, не хотела принимать окружающую действительность.

– Со мной нельзя, Лу, – жестко сказал фон Ниддл. – Это опасно. Опасно для тебя. Прости, милая, ты останешься здесь и подождешь. Я скоро вернусь, обещаю. Все будет хорошо. Хорошо!

Он нежно поцеловал Клаудию, встал, сделал шаг назад. Она открыла глаза, протянула к нему руки, но теперь не билась в истерике, не произнесла ни слова. Просто молча просила не оставлять ее. Сатур отрицательно помотал головой, его лицо исказила болезненная гримаса.

– За мной придут с минуты на минуту, – тихо сказал он. – Придет офицер, который ответит к... – Он осекся, умолк, подбирая слова. – Отвезет к человеку, который ждет для серьезного разговора. А потом я вернусь к тебе.

Клаудиа открыла рот, будто хотела что-то сказать, но ее перебили.

– Привет-привет! – жизнерадостно крикнул новый гость от дверей спальни. – А вот и я!

Сатур фон Ниддл медленно обернулся, принялся изучать лицо человека, которого уже записал в личные враги.

– Девушка может снять туфли, – будто не замечая тяжелого взгляда барона, провозгласил незванный гость. – Даже снять платье! И даже прикрыться одеялом, никто не станет возражать! – Он захохотал, но Сатур не оценил его чувство юмора. – Едем, барон! Нас ждут! – Визитер прекратил дурачиться, посерьезнел. – Едем!

– Стоп! – мрачно изрек фон Ниддл. – Вы командуете этими клоунами? – Он мотнул головой в сторону спецназовцев в черных сферах, занимавших позиции возле двери и окна.

– Я.

– Тогда объясните своим манекенам, что если хоть кто-то прикоснется к девушке...

– Не надо соплей, Ниддл! – резко оборвал чужак, вмиг став другим. – Здесь нет идиотов, одни только профессионалы! Всем все понятно, каждый знает свою работу! Едем!

Барон задержался еще на миг: посмотрел в глаза Клаудии, улыбнулся уголками губ – хотел подбодрить перепуганную девчонку.

– Я скоро вернусь, – пообещал он. – Ляг, спрячься под одеялом. Ни о чем не думай, ничего не бойся.

Кивнув сопровождающему, он первым вышел из комнаты. Сатур даже не вспомнил о том, что близится рассвет, а значит, проигран спор князю Ольхонскому.

Офицер, проводивший гостя до дверей кабинета без надписи, распахнул створку и предупредительно отступил в сторону, приглашая войти внутрь. Фон Ниддл не стал ждать повторного намека, вошел в апартаменты, не здороваясь. Добрался до первого же кресла и плюхнулся в него, засунув руки в карманы черного кожаного плаща.

– Где ваши манеры, барон? – усмехнулся человек, ожидавший гостя, и дважды провел ладонями по черным прилизанным волосам.

– Вы это спрашиваете у меня, господин Бинелли?! – искренно удивился фон Ниддл, положив ноги на столик, где стоял поднос с фруктами. – То есть я вроде как образец бескультурья, а глава правительства, грубо выдернувший меня из постели в пять утра, – это, без сомнения, эталон для подражания!

– Ага, вижу, представляться нет необходимости. Меня узнали.

– Еще бы! Вас, Арно, трудно с кем-то перепутать. Во-первых, мы в доме правительства. Во-вторых, эти черные прилизанные волосы, эта привычка без конца проводить по ним ладонями – вы ведете себя одинаково, что на новостных каналах, давая интервью, что в жизни.

Арно Бинелли с улыбкой опустил в кресло напротив гостя.

– А теперь будет еще и в-третьих, – тут же добавил фон Ниддл. – Теперь я смогу отличить вас в толпе, где-нибудь на светском рауте – по запаху. По дурацкому запаху парфюма, от которого у меня зверски щекочет в ноздрах!

– Сатур, вы специально нарываетесь на скандал? – налив в стакан минеральной воды, поинтересовался Бинелли. Глава правительства совершенно не обратил внимания на то, что рядом, на столике, находились ботинки гостя.

– Я?! – второй раз подряд удивился фон Ниддл. – Милейший господин Арно! Кажется, вы забыли: я не являюсь членом правительства, я не ваш подчиненный! Более того, я – законопослушный гражданин Вокса, не имеющий проблем с налогами, с федеральной полицией и прочими неласковыми органами. Таким образом, имею полное право находиться в своем доме в ночное время, и, заметьте, проводить это время так, как мне вздумается!

– Приношу искренние извинения за то, что были вынуждены отвлечь вас от дамы, – сделав несколько глотков, вымолвил Арно Бинелли. – Простите, Сатур! Клаудиа Монро – восхитительная женщина, понимаю облом... э-э-э... ваше разочарование... Однако вечер и ночь не только для вас выдались трудными, поверьте. Был бы рад вызвать вас к себе раньше, но раньше не знал, что наша встреча станет необходимой. И потом требовалось несколько часов, чтобы все подготовить...

– Что подготовить? – поинтересовался фон Ниддл.

Он плохо понимал, о чем гундосит глава правительства. К утру голова работала не идеально – сказывалась бессонная ночь. Барон никак не мог уловить ход мыслей собеседника.

– Ну... все подготовить... к разговору, – пожал плечами Бинелли и махнул рукой со стаканом. – И проверить вас... тоже.

– Это уже интереснее. – Сатур фон Ниддл снял ноги со столика, чуть подался вперед, сцепил пальцы в замок, уперся в них подбородком.

Бинелли допил минеральную воду, поднялся на ноги, провел ладонью по волосам. Взглянул на визитера и, словно вспомнив о словах фон Ниддла, усмехнулся.

– Да... – сказал он. – Приказ использовать вас пришел с самого верха.

Барон по-прежнему сидел молча.

– От президента нашего созвездия, – уточнил Бинелли.

Барон не издал ни звука.

– Вы меня слышите? – не выдержал глава правительства.

– Конечно, – усмехнулся гость. – У меня пробок в ушах нет, сэр. Просто жду, когда вы перейдете к разговору по существу. А что, необходимо было встать по стойке «смирно» при упоминании президента?

Арно Бинелли покачал головой, скептически хмыкнул.

– Странно, – будто самому себе сказал он. – Мишелю Брайтнеру вас рекомендовали ведущие финансово-промышленные холдинги. Все эксперты, с которыми мы консультировались, в один голос утверждают, что барон Сатур фон Ниддл – специалист высочайшего класса. Но кого я вижу перед собой?! Какого-то ершистого мальчишку!

– Вы видите перед собой человека, который провел бессонную ночь, а под утро, укладывая красивую женщину в постель – в собственном доме, заметьте, – обнаружил за дверью отряд спецназа! Вы видите человека, который совсем недавно испытал жестокое разочарование, а сейчас испытывает не менее сильное раздражение по отношению к тем, кто все это придумал! В остальном – я полностью шоколадный заяц!

Бинелли странно улыбнулся – одними мышцами лица, но улыбка точно не шла изнутри, из его души.

– Барон, – сказал глава правительства, – наша беседа развивается очень медленно. Поверьте, я ценю свое рабочее время, его постоянно не хватает. Мы можем перейти к сути? К тому, ради чего вас пригласили в дом правительства?

– Давайте перейдем, – охотно согласился фон Ниддл. – Обещаю: постараюсь реже перебывать вас. Сам давно горю желанием узнать, для чего понадобился власть имущим среди ночи. И вообще, почему вдруг выбор пал именно на меня, можно сказать, скромного и незаметного клерка?

– Не преуменьшайте собственные таланты, барон! – усмехнулся Бинелли. – Наши сотрудники тщательно проверили ваше досье. У вас устойчивая репутация в определенных кругах. Вы давно и успешно помогаете коммерческим структурам Вокса в разрешении щекотливых вопросов на внешних рынках, за пределами созвездия Возничего. Некоторые советники, чьими услугами мы воспользовались, уверяли, причем с пеной у рта: вы человек, для которого не существует неразрешимых задач. Мол, есть проблемы, на которые необходимо потратить много времени и денег – да. Но если за дело берется Сатур фон Ниддл, он выстроит безупречную логическую цепь, и его работодатель неизбежно выиграет партию.

Барон привстал, с церемонной улыбкой поклонился собеседнику.

– Барон, не надо клоунады, – поморщился Бинелли. – Верьте, последние дни очень тяжело даются правительству. Мне бы хотелось говорить серьезно, зная, что вы понимаете всю тяжесть сложившегося положения. А чтобы вам не было так весело, добавлю: после того как все расскажу, выбор у вас простой. Либо соглашаетесь на предложенную работу, либо вернетесь домой. Туда, где ждет Клаудиа. Кстати, она по-прежнему в вашей постели. Там вас и найдут, чуть позже. Не знаю когда – днем или ближе к вечеру. Неважно. Не знаю, что там будет – чрезмерное увлечение сексом, приведшее к остановке сердца у обоих? Возмозжно, передозировка спиртного или наркотиков? В вашем возрасте, Сатур, любая акробатика способна привести к опасным постэффектам. Улавливаете мысль?

– В моем возрасте? – холодно прищурился фон Ниддл. – Сэр! Если память меня не подводит, а такое случается крайне редко, вам сейчас около пятидесяти, так что я моложе главы правительства Вокса на десять лет. Примерно так. Однако, думаю, вы двадцать четыре часа в сутки не сидите с грелкой под задницей и с градусником? Думаю, все же позволяете себе отдельные маленькие грешки. А может, не маленькие?!

– Ценю ваш забавный юмор, барон. Сразу видно, что передо мной умный человек, который не лезет за словом в карман. Мне поручили сагитировать вас, склонить к сотрудничеству, а значит, следует терпеть любые уколы, даже превышающие все меры допустимого.

– Надо было просто действовать чуть тоньше, чем слон, оказавшийся в посудной лавке! – опять не удержался фон Ниддл. – Я решал десятки, а может, сотни сложных вопросов для коммерческих структур Вокса! Однако ни одной из них не приходило в голову нанимать меня на работу вот так – наводя ствол автомата на мою любовницу! Выдергивая из постели среди ночи! Впрочем, государственный аппарат никогда не отличался уважением к собственным гражданам...

– Оставим личную пикировку, – предложил Бинелли, налив себе еще минералки. – Черт, как горло-то пересыхает... Поговорим о задании, барон, если мы поняли друг друга и вы готовы начать деловой контакт... – Глава правительства вопросительно уставился на гостя.

– Готов-готов! – нетерпеливо отозвался Сатур. – Мне даже интересно: что там за страшная тайна? Только, ради всего святого, не думайте, Арно, что вы прижали меня к ногтю, застращали. Хотя Клаудию жалко, да. Молодая, красивая, симпатичная. Зачем же ей просыпаться мертвой в моей постели? Это напугает и более закаленные натуры. Девочке еще жить и жить, радовать мужчин, доставляя им удовольствие. Короче, к делу, Арно!

– Только, барон, помните о строжайшей секретности! Никто, ни один человек, не должен знать, на какую работу вас нанимает правительство Вокса. Ни слова посторонним!

– Господин Бинелли! У меня хорошее предложение: давайте отбросим в сторону сентиментальную чушь и теперь будем говорить строго по делу.

– В созвездии Гидры, возле Альфарда, есть планета Карэлес, – начал Арно Бинелли, и его пальцы, сжимавшие стакан, побелели. – Если говорить с предельной точностью, Альфард – это сердце Гидры. Альфа Гидры.

Впрочем, уточнений не требовалось. Едва заслышав слово «Карэлес», Сатур фон Ниддл изменил позу, весь подался вперед.

– Так... – пробормотал он. – Прошу вас, сэр, продолжайте. Наша беседа с каждой минутой становится все интереснее.

– Карэлес был бы довольно заурядной, блеклой планетой, если бы не одно обстоятельство, без сомнения, известное вам, – продолжил Бинелли. – А в остальном... На Карэлесе обитают ленивые раздолбаи, не способные к труду... вообще ни к чему не способные. Верховодят там король Патрик Справедливый и его супруга Антуанетта Великолепная. Не смотрите на меня так, барон, этими прозвищами не я их наградил, они сами их себе пожаловали.

– Нет-нет! – энергично отозвался фон Ниддл. Теперь он словно забыл про усталость, про бессонную ночь и напоминал пружину, находившуюся на взводе. – Арно, я прекрасно знаю про власть на Карэлесе, про Патрика и его супругу. Я знаю, что это единственное место, где до сих пор сохранился патриархальный монархический уклад. Больше королей и королев не осталось нигде, во всех прочих мирах давно развились прогрессивные формы правления. Лишь на Карэлесе, где народ – толпа разжиревших придурков, ничего не меняется из года в год. И виной тому – их месторождения.

– Да! – Бинелли нервно провел по волосам правой ладонью, потом левой. – Да!!! Месторождения! Вот основа их экономики! Черт! Черт! Сколько раз я задавал себе вопрос: почему такой подарок от Всевышнего бестолковым существам? Почему им, а не нам?!

– Арно, я не уверен, что месторождения хай-джет были бы благом для созвездия Возничего, – тут же откликнулся фон Ниддл. – Любая звездная система, которая получила бы монополию на катализатор для субсветового топлива, со временем скатилась бы до уровня Карэлеса. Ведь до тех пор, пока ученые не смогут синтезировать аналог хай-джет, Карэлес будет купаться в золоте, это неизбежно. Любая звездная система нуждается в кораблях, способных двигаться на околосветовых скоростях. Это необходимо и военным, иначе их боевые звездолеты скорее детская игрушка, нежели реальная угроза противнику. Это необходимо и торговым компаниям, иначе они проиграют рынки сбыта – их товары станут неконкурентными за счет возросших расходов в транспортной составляющей. Любая крупная система без хай-джет обречена на вылет с дистанции марафона. Она может лишь влачить жалкое существование, пребывать на второстепенных ролях, но не более.

– Да!!! И нам очень пригодились бы месторождения хай-джет! – Глаза Арно Бинелли загорелись от восторга. – Все были бы вынуждены идти к нам на поклон, деньги рекой потекли бы в казну! Наше влияние в Галактическом Совете увеличилось бы многократно!

– Но однажды ученые синтезировали бы хай-джет, – с иронией продолжил фон Ниддл. – И это стало бы крахом для созвездия Возничего. Потому что к тому моменту мы бы разучились работать, преодолевать кризисы, сводить дебет с кредитом. Едва ученые получат хай-джет искусственным путем, необходимость в месторождениях отпадет. Корабли смогут летать на субсветовых скоростях, а вот монополии уже не будет. Никогда! Вывод? Мир, экономика которого основана на сырьевой составляющей, обречен на голодную смерть. Более того, я думаю, ни одна звездная система не протянет руку помощи умирающим – слишком много лет наблюдали, как одни живут в праздности, ничего не делая, в то время как все другие вкалывают в поте лица, чтобы заработать на кусок хлеба, на пропитание. И я искренно счаст-

лив, господин Бинелли, что не созвездие Возничего окажется той агонизирующей системой, которая канет в небытие, едва ученые синтезируют хай-джет или его аналог.

– Хм, да... – признал глава правительства. – Если смотреть в будущее... перспективы ужасны... Однако, милейший барон, мы живем в настоящем дне. Есть доходы и расходы бюджета, есть дефицит... Впрочем, ладно. Ближе к делу. Итак, Карэлес – планета, на которой сосредоточены месторождения хай-джет, высокоэффективного катализатора для ракетного топлива. Присадки, дающей звездолетам возможность путешествовать на околосветовых скоростях. Есть народ Карэлеса, который всем доволен, даже собственной монархической властью. Всем заткнули рот – деньгами, падающими с неба.

– Сэр... – мягко перебил фон Ниддл, – если желаете, эту часть повествования можно опустить. Мне известно и о власти на Карэлесе, и о странном менталитете тамошнего народа, и об основе их благосостояния – монополии на хай-джет.

– Да... – Бинелли в задумчивости потер лоб. – Понимаю, барон. Однако я рассказываю все по порядку, чтобы точно знать – не осталось никаких неясностей. Собственно, мы уже подошли к сути вопроса. Правители Карэлеса настолько ленивы, что не желают самостоятельно разрабатывать месторождения. В общем-то ничего удивительного: народ не желает работать, власти не намерены думать. Итак, раз в десять лет они продают права на разработку месторождений. Так сказать, нанимают внешнего управляющего менеджера, который приводит свою рабочую команду. Доходы Карэлеса складываются из двух составляющих: суммы, что выплачивается одновременно в момент заключения договора, и процентов от прибыли, что капают на протяжении всего срока действия контракта. Галактический Надзор постоянно давит на Карэлес: настаивает на том, чтобы передача прав на разработку осуществлялась чаще – раз в пять лет, а не в десять. Однако пока ничего не изменилось. Раз в десять лет королевская семья отдает месторождения во власть тем, кто пообещает хорошие условия... де-юре – планете, де-факто – лично Патрику Справедливому.

– И в последние десять лет рудниками управлял Ребель, – не удержался фон Ниддл. – Созвездие Дракона...

– Чертов Ребель! – Бинелли нервно всплеснул руками. – За эти десять лет «драконы» здорово увеличили влияние в Галасовете! Они накопили серьезную финансовую подушку, их промышленные и финансовые компании действуют все активнее на внешних рынках.

– Это точно, – вздохнул Сатур и поскреб пальцем кончик носа. – Знаю, приходилось сталкиваться... Наглые, уверенные в себе до невозможности...

– Слава богу, их времена подходят к концу! – Бинелли вскочил с места, взмахнул руками, но тут же замер, опустился в кресло, уголки его губ печально дрогнули, поехали вниз. – Если, конечно, подходят...

– А! – догадался барон. – Понял!!! Наконец-то я понял! Десятилетка власти созвездия Дракона подходит к концу! Грядет выбор нового управляющего! Так, господин Бинелли? Я правильно угадал, в чем смысл нашего разговора?! Боже, как это интересно!!!

– Вы правы, – отозвался лидер правительства, задумчиво глядя куда-то мимо собеседника. – Именно поэтому вас пригласили. Однако, барон, вы еще не знаете самого главного – того, из-за чего началась жуткая возня, какой никогда раньше не было. – Он встал, чуть ссутулился, заложил руки за спину. – Тендеры всегда походили на закрытый междусобойчик, – сказал он после небольшой паузы. – То есть Патрик Справедливый лишь изображал хорошую мину при плохой игре, делал вид, что анализирует предложения с разных сторон. На самом деле, как известно посвященным, выигрывал тот, кто находился в более тесных, неформальных отношениях с владыкой Карэлеса, кто предлагал ему лучшие теневые условия. То есть, говоря простым и понятным языком, обещал хороший откат в твердой валюте за право управлять месторождениями. Откат в пользу семьи Патрика.

– Тупой народ, – вставил слово фон Ниддл. – Конечно, рыба гниет с головы, однако и туловище, и хвост должны хоть чуть-чуть соображать. Когда ученые синтезируют хай-джет, король Патрик Справедливый не пропадет, у него останутся миллионы в надежных банках. Или миллиарды. А простой народ? Те, кто сейчас живут в свое удовольствие, ни о чем не думая? Им, дуракам, куда? Работать не умеют и не желают. Крепкого бюджета нет, нормально выстроенной вертикали власти нет. Перекроют золотой дождь – что начнется на планете? Массовый голод? Волнения? Бунты? Мор? Кровь?

– Видимо, примерно так же рассуждала принцесса Диана, – поддержал Бинелли. – Ах да, я не сказал! У Патрика Справедливого и Антуанетты Великолепной выросла дочь. – Он положил на столик стереофотографию.

Сатур взял карточку в руки.

– Принцесса Диана, – сообщил глава правительства. – Двадцать три года, получила образование в Хогварде, это университет экономики и управления возле Тиля, в созвездии Дракона. С нее, с принцессы, все и началось. То есть с нее начинается новая история Карэлеса. Именно Диана заварила кашу.

Фон Ниддл с интересом рассматривал картинку. Диану никто не назвал бы красавицей, хотя девушка не была лишена очарования, какого-то внутреннего обаяния – это чувствовалось даже по стереофото. Лицо чуть полноватое, с ямочками на щеках. Глаза у Дианы оказались огромными, голубыми – будто кусочки неба – и смотрели на мир то ли с удивлением, то ли с надеждой. Девушка не была ни блондинкой, ни брюнеткой – волосы имели какой-то промежуточный оттенок. Скорее всего, Диана не красила их по моде, не стремилась придать им яркий цвет, как поступали многие ее сверстницы.

– Получается, созвездие Дракона пригрело змею на груди, – предоставив барону возможность рассмотреть картинку, сказал Бинелли. – Дали девушке образование, а она...

– Ну, Диана не похожа на змею, – усмехнулся Сатур фон Ниддл, – скорее на взрослого ребенка, немного витающего в облаках. И что она?

– Закончив Хогвард, она вернулась в родные края, то есть на Карэлес, – поведал Бинелли. – Так уж совпало, что ее приезд случился незадолго до выборов очередного наемного менеджера для месторождений хай-джет. И Диана, хоть она и напоминает вам ребенка, витающего в облаках, поступила очень жестко. Добилась от родителей права организовать *другой тендер*. Честный и справедливый. Она заткнула рот всем, даже собственному отцу. Уж не знаю, какими методами действовала: убеждала, а может, топала ногами или закатила истерику, но факт остается фактом: впервые за последние тридцать лет Патрик Справедливый самоустранился от ведения тендера. А его дочь, принцесса Диана, взялась осуществлять выборы управляющего самостоятельно.

– Восхитительный ребенок! – умилился Сатур фон Ниддл. – Лишила отца всех левых доходов. Теперь он, наверное, кусает локти – проклинает себя и тот день, когда отправил доченьку в университет экономики и права...

– Однако Диана сразу дала понять всем заинтересованным сторонам, что ее главная цель – не переключить финансовый поток в собственный карман. По всей видимости, у девушки есть какие-то идеалы, представления о справедливости и все такое. Она искренно хочет блага для своего народа. Диана призвала на помощь Галактический Надзор, эта организация будет соведущим тендера и гарантом честной игры. А еще принцесса во всеуслышание объявила, что победителем станет не тот, кто назовет самую высокую цену за право разработки. Победителем станет тот, кто предложит Карэлесу *лучшие условия*.

– Лучшие условия? – приподнял бровь фон Ниддл.

– Ага, и к данному заявлению сразу же был приложен перечень того, что входит в понятие «лучшие условия». Так вот, не буду утомлять подробностями на семи листах, но если кратко, то принцесса Диана желает, чтобы, во-первых, созвездие-победитель помогло провести незави-

симую оценку потенциала месторождений. То есть привлекло внешнего аудитора с безупречной репутацией из первой десятки рейтинга Галасоюза, а лучше – из топовой пятерки.

Сатур фон Ниддл присвистнул.

– Во-вторых, созвездие-победитель обязано не только вести разработку месторождений хай-джет, но и готовить рабочих, а также инженерные кадры из числа жителей планеты. То есть будет что-то вроде академий прямо на производстве. Наемные служащие и управленцы должны не только добывать катализатор для топлива, но и готовить квалифицированный персонал.

– По-другому говоря, – добавил Сатур, – копать себе яму. А еще это называется: пилить сук, на котором сидишь. Ибо если подготовить квалифицированный персонал из числа жителей Карэлеса, то через десять лет можно не вспоминать про тендер по передаче прав, абorigены смогут вести разработку своими силами.

– А в-третьих, – продолжил Арно Бинелли, – принцесса Диана желает, чтобы внешний управляющий менеджер не только добывал катализатор, но и производил на его основе топливо, прямо в созвездии Гидры.

– Оп-па! – Фон Ниддл даже похлопал в ладоши. – Очаровательный ребенок! Какой размах! Она хочет не просто добывать сырье, но использовать его прямо на месте! Продавать товар более высокой степени переработки с соответствующей прибавочной стоимостью! Нет, ее не зря учили в Хогварде!

– А потому созвездие-победитель должно подготовить проекты строительства заводов для производства топлива на планетах созвездия Гидры. То есть провести мониторинг существующих миров, выбрать подходящие по сумме показателей площадки, затем представить проекты и обоснование расчетов. И при всем прочем не забыть об экологии, да! То есть заводы по производству топлива не могут загрязнять окружающую среду, они должны быть предприятиями полностью замкнутых циклов, без выбросов в атмосферу и прочее.

– А леденцов на палочке она не попросила? – Барон саркастически усмехнулся. – Нет? Арно, знаете, меня это здорово удивляет!

– Сатур, она действует очень грамотно, – грустно вздохнул Бинелли. – Диана не требует ничего невозможного. Просто... просто все внешние созвездия давно привыкли к иному. То есть привыкли бороться на других условиях. Много лет дипломаты считали, что главное для победы – втереться в доверие к королю Патрику Справедливому. Стать его личным другом, своим парнем, которому будут доверять на сто пятьдесят процентов. Не скрою, мы действовали таким же образом.

– И прогадали...

– Прогадали все заинтересованные стороны, барон. Принцесса Диана открыла новую эру в развитии Карэлеса, теперь приходится играть по другим правилам, только что установленным. Галактический Союз полностью на стороне принцессы, они с восторгом отреагировали на нововведения. Галанадзор уже взял Карэлес под свою опеку. То есть, проще говоря, на планете, особенно возле рудников, полным-полно наблюдателей из федерального центра. Если понадобится, Союз применит армию и силу, чтобы провести тендер так, как желает Диана. Объявлено, что действие будет происходить на основе Галактического Устава, кровавых конфликтов и войн не случится. А те, кто посмеют нарушить запрет, мгновенно покинут зал заседаний, их отстранят от участия. Теперь никто не сможет диктовать Карэлесу условия, даже созвездие Дракона, которое десять лет владело правами на источники хай-джет.

– Созвездие Возничего желает подать заявку на тендер? – все проанализировав, уточнил фон Ниддл.

– Мы уже подали заявку на тендер. – Бинелли вновь не удержался, нервно провел ладонями по волосам. – Мы подали заявку. Черт знает сколько времени потратили, чтобы все подготовить и обосновать, просчитать наилучшие условия, которые сможем предложить Диане.

– Однако у аналитиков нет уверенности в том, что заявка окажется лучшей. – Сатур будто читал мысли главы правительства. – Это ясно, как дважды два. Полагаю, заявки при подаче не вскрываются, так?

– Принцесса складывает их в личный сейф, там тройная защита, право доступа только у Дианы. Объявлено, что прием документов на тендер заканчивается через неделю, чуть больше. До тех пор ни один участник не узнает, кто из конкурентов как решил сыграть. Затем экспертная комиссия начнет вскрытие пакетов: в один и тот же день будут изучены все предложения, сделанные Карэлесу. Все сразу, подряд. И комиссия не выйдет из зала заседаний, пока не ознакомится с представленными материалами, не выберет лучший вариант. Так заявила Диана, возглавляющая совет.

– Поздравляю, – радостно кивнул фон Ниддл. – Это хорошая игра. Настоящая игра!

– Чему вы радуетесь, Сатур? – Арно Бинелли удивленно посмотрел на гостя. – Нам... нам, Воксу, необходима победа на этом тендере. Барон, скажу по секрету, у нас есть некоторые проблемы с формированием бюджета. Небольшие проблемы... так... незначительный кассовый разрыв. Это не критично, однако... В общем, нам хотелось бы выиграть конкурс. Это позволило бы улучшить финансовые показатели, дало бы возможность усилить влияние в Галактическом Совете. Ну, вы понимаете, какие перспективы дает право на разработку месторождений хай-джет.

– Понимаю. Потому и говорю: поздравляю, это хорошая игра!

– Барон, к текущему моменту подано пять заявок. Возможно, это не предел: впереди неделя ожидания. Возможно, появятся другие участники. Однако тех, что вступили в игру, уже достаточно, чтобы... чтобы впасть в уныние.

– Созвездие Дракона тоже готово побороться? – понимающе усмехнулся Сатур.

– Естественно, – горестно махнул рукой Бинелли. – Конечно, они десять лет были у кормушки и не желают ее терять даже при новых условиях. Их заявка – под номером один, то есть они раньше всех предоставили Диане пакет документов.

– А вот это, может, погорячились. – Фон Ниддл радостно потер руки. – Раз подали документы первыми, значит, торопились. Есть большая вероятность, что не все грамотно просчитали, недоработали по выбору площадок, по заводам, экологии...

– Однако за десять лет их система накопила такой денежный жирок, что по финансовым показателям созвездие Дракона переплюнет всех прочих.

– Да, это невероятно сильный противник. – Сатур подергал пальцами нижнюю губу. – Кто еще в игре?

– Вторую заявку подала Вентура.

– Горгоней Терция, созвездие Персея, – покачал головой барон. – М-да, совсем не подарок... Тоже очень сильный противник, возможно, страшнее первого.

– Я рад, что вы понимаете, – уныло промолвил Бинелли. – Созвездие Персея десять лет назад потеряло права на разработку месторождений, вынуждено было уступить «драконам». С тех пор их влияние в совете упало, финансовое положение хоть и прочно, но уже не выглядит таким блестящим, как ранее. На Вентуре спят и видят, как вернут себе власть над Карэлесом. Собственно, последние десять лет они лишь о том и думали, чтобы решить данную задачу.

– С двумя первыми все понятно, – фон Ниддл прикрыл глаза, – серьезные противники. А кто еще?

– Мы подали заявку почти одновременно с Тэнди, созвездием Тельца. Они чуть раньше и получили номер три, мы чуть позже – номер четыре. Последним в дело вступил Локк у Ахернара.

– То есть созвездие Эридана... – Сатур потер лоб. – На первый взгляд они опасны менее всего. Самые серьезные противники – первая тройка. Наш научно-технический потенциал

выше, чем у Локка. Если заявка во второй части проработана хорошо, условия будут лучше, чем у созвездия Эридана. Пятый игрок отпадает.

– Однако они могут перекрыть нас в финансовой части, если привлекут для тендера внешние заемные средства, – напомнил Бинелли.

– Это точно, – согласился фон Ниддл, – но любой из первой тройки может перекрыть нас и без заемных средств, особенно Дракон и Персей. Остается лишь надеяться, что принцесса Диана и в самом деле, как объявила, будет анализировать не только финансовую составляющую, но и научно-техническую.

– Барон... Мы не знаем, какие аспекты являются наиболее важными для принцессы Дианы. На словах одно, а по факту... Президент потребовал, чтобы было сделано все возможное для победы. Все возможное и невозможное! Нам нужны эти месторождения, любой ценой. Мишель Брайтнер так и сказал: любой ценой! И ведущие корпорации созвездия рекомендовали привлечь вас в помощь официальному дипломатическому корпусу.

– Который, надо понимать, все последние годы занимался тем, что налаживал близкие-дружественные-неформальные связи с королем Патриком Справедливым, – понимающе усмехнулся фон Ниддл. – М-да... Вот это подарочек от принцессы Дианы! Представляю, как сейчас кипят извилины у политиков и дипломатов во всех пяти созвездиях. Выстраивали одну линию поведения, тщательно развивали ее, и тут вдруг обычный покер стал драконьим: карты сменили масть, козыри теперь назначаются в зависимости от дней недели и положения игроков за столом, а в каждом третьем розыгрыше десятки старше тузов. И дипломаты поплыли мозгами...

– Барон, это не смешно! Более того, все *очень серьезно*. Пять созвездий выставили заявки на тендер. В ближайшее время лучшие дипломаты отправляются на Карэлес, чтобы неделю до конкурса провести там, в гуще событий, в обществе принцессы Дианы и сотрудников Галактического Надзора. Наша дипмиссия вылетает утром. Ее возглавляет князь Ольхонский. Помоему, об этом вы слышали, раз побывали на торжественном балу по случаю...

– Ольхонский?! – Фон Ниддл недобро оскалился, вдруг не к месту вспомнив о проигранном споре и о казино, которое требовалось передать во владение сопернику. – Гм... Как часто пересекаются пути. Кто бы мог подумать?! Нет, господин Бинелли, я не слышал.

«Потому что прилетел на Вокс отдыхать, – мог добавить Сатур, но не добавил. – Отдыхать. Что и делал в обществе Клаудии Монро, которая на балу интересовала меня сильнее, нежели весь дипкорпус Возничего...»

– Правда, князь не в восторге от того, что вы будете участвовать в проекте, но приказ президента не оспаривается.

– Та-а-ак, – протянул барон. – Выходит, Руслан Ольхонский знал, что меня привлекут к этому делу?

– Знал... Где-то с вечера, после того как Мишель Брайтнер отдал соответствующую команду.

– Ага! И еще он знал, что вы планируете вызвать меня в дом правительства, не так ли? – Глаза фон Ниддла нехорошо блеснули.

– Да, я сообщил князю, что наша беседа состоится ночью, сразу после того, как спецслужбы подготовят и проверят полное досье на вас, барон.

– Какие любопытные новости под конец разговора! – Сатур театрально всплеснул руками, поднялся с места, сцепил пальцы в замок. – Интересно, зачем же он... – Барон не договорил, умолк, прищурившись.

– Зачем же он что? – не выдержав, устав от паузы, поинтересовался Бинелли.

– Нет, ничего, сэр! Не имеет отношения к делу, это личное!

– Ладно, хорошо. – Арно Бинелли прошелся по кабинету, вспоминая, о чем говорил. – Ах да! Барон! Я сказал о том, что дело гораздо серьезнее, чем вам кажется. Итак, дипломатиче-

ская миссия готова к отбытию на Карэлес. Однако наша военная разведка докладывает: все противники подтягивают элитные части спецназа. Любой из игроков не стесняясь применит силу, если только представится возможность.

– Надо понимать, тайно применит? – тут же поинтересовался Сатур. – То есть я хотел сказать, что официально кровопролитие запрещено Галактическим Надзором. Более того, любой из участников будет снят с конкурса, едва рискнет применить войска или части специального назначения.

– Мы понимаем друг друга, – кивнул Арно Бинелли. – В открытую никто применять войска не станет, коли так желают принцесса Диана и Галанадзор. Однако запретить операции спецназа никакая власть не в силах. Главное, чтобы ни один инспектор не установил причастность созвездия Возничего к этим действиям.

– То есть, – на всякий случай уточнил фон Ниддл, – когда наш президент сказал «достичь победы любой ценой», он действительно подразумевал *любую цену*? С участников этой игры снята ответственность за собственные действия? Можно все?

– Все! – заверил Бинелли. – Нам требуется победа на тендере любой ценой. Говорят, вы специалист высочайшего класса, барон. Президент дал зеленый свет, можете не останавливаться ни перед чем. Впрочем, он еще побеседует с вами. Главное, барон, чтобы все операции оставались тайными. То есть чтобы даже в случае какого-то провала невозможно было установить, сие осуществлено спецчастями или агентами созвездия Возничего. Поэтому вы станете действовать независимо от официальной дипломатической миссии. У нее свои задачи, у вас свои. Ведущие официальные фигуры будут находиться в кольцах захвата, под пристальным многосторонним наблюдением. Именно по этой причине мы решили предпринять неожиданный ход, провести некое разделение функций. Значит, обмен информацией должен осуществляться не лично, через контакт с князем Русланом Ольхонским, а через агента, полковника Себастьяна Ратье. Чуть позже я познакомлю вас. Это хороший боевой офицер, с прекрасной школой. С данной минуты он становится вашей тенью, в том смысле что Себастьян и его люди будут не только выполнять приказы, но также охранять вас и днем, и ночью – все время, пока не закончится тендер.

– Даже так? – удивился фон Ниддл. – Признаться, я привык доверять собственным помощникам и не рассчитывал на что-то большее...

– Безусловно, вы можете использовать тех людей, которым доверяете. Обговорите это с Ратье чуть позже. Открытые визы, помощь в оформлении документов и прочее – любым вашим ассистентам, без проблем. Однако прошу вас, барон: никому из них не объясняйте, в чем *главная цель*. Берите столько помощников, сколько необходимо, но используйте их вслепую. Никто не должен знать, что речь идет об обеспечении победы на тендере *любой ценой*. Здесь одно неверное движение – и окажемся за бортом. Ищейки из Галактического Надзора уже стоят на ушах – вынюхивают следы заговоров. Только и ждут шанса, чтобы сократить число участников забега. Тем не менее я уверен, это ни одну из спецслужб не остановит, дорога к победе будет устлана горами трупов. Впереди игра на смерть, барон. Только на тихую смерть. Внешне – на переднем плане – дипломаты станут бороться за победу. Они будут встречаться на светских раутах, любезно улыбаться друг другу, убеждать принцессу в чистоте своих помыслов, рисовать почти что райские картины. Но на заднем плане, в тени, в это время начнут действовать спецслужбы.

– Какая увлекательная задача, – довольно хмыкнул фон Ниддл. – Вот с этого бы и начинали, господин Бинелли! А то: «вернетесь в постель... там мертвая Клаудиа»... Пошлый детектив, честное слово!

– Я так понял, Сатур, что вы готовы начать работу по проблеме месторождений хай-джет?

– Конечно, сэр! Я уже сказал: малышку Клаудию искренно жаль. Ну в самом деле, зачем ей сегодня с утра просыпаться мертвой в моей постели?

– У вас прекрасное чувство юмора, барон, вдобавок к аналитическому уму. Рад, что вы все *так* понимаете, с полуслова... – Глава правительства вновь улыбнулся одними губами.

– Господин Бинелли, у меня только один личный вопрос. Скажите, Клаудиа Монро не ваш агент? В смысле она не состоит в какой-нибудь элитной спецслужбе, например «Скальпеле»?

Бинелли открыл рот от удивления, хотел по привычке мазнуть ладонью по волосам, но только озадаченно потер ухо.

– Ну... – фон Ниддл взмахнул рукой, – знаете, все это очень напоминает классическую схему из дешевого бульварного детективчика... подставили человеку красивую девчонку, потом, угрожая расправой над ней, подписали на интеллектуальную работу...

– Нет, – усмехнулся Бинелли, – насколько мне известно, Клаудиа Монро не является агентом спецслужб. Просто красивая женщина из высшего света. Хотя... хотя вы мне все равно не поверите, если только захотите...

– Слава богу! – обрадовался фон Ниддл. – Значит, с ней можно спокойно заниматься сексом, не держа в голове мысль, что рядом – бомба с включенным часовым механизмом.

– По-моему, вы не о том думаете, Сатур.

– Нет, сэр, я думаю о тендере, – заверил фон Ниддл. – Это действительно интересная работа. Трудная и достойная профи высокого класса. Просто мне хотелось уточнить кое-какие личные мелочи. Знаете, чтобы это не сидело в голове, не отвлекало потом.

– Ради бога. – Бинелли пожал плечами. – Верите или нет, но я сказал правду.

– Еще раз можете сказать правду? – осклабился барон. – То, что будет игра на смерть, я уже понял. А вообще в ней бывают победители? Или в горе трупов останутся и те, кто обеспечил победу своей стороне?

– Легко, барон! – Бинелли показал крупные передние зубы. Впрочем, назвать это улыбкой было невозможно. – Ответить легко. Дело в том, что я сам не знаю точно. В такой тендер мы играем в первый раз. Вот и все. Пойдемте, познакомлю вас с Себастьяном Ратье. Он станет вашим телохранителем и связным, а также обеспечит необходимыми материалами о Карэlese и конкурентах, какие попросите.

Барон фон Ниддл чуть помедлил, размышляя, не осталось ли вопросов, которые следовало бы задать лично главе правительства, затем кивнул.

Бинелли в очередной раз пригладил волосы, шагнул к выходу, потянул за ручку.

– Арно... – Оказалось, возле двери в кабинет в кресле дежурил князь Ольхонский.

Едва только Бинелли показался в проеме, князь поднялся с места, шагнул вперед, очевидно намереваясь обговорить какие-то детали миссии, да тут заметил барона фон Ниддла.

– А-а-а... – протянул он. Лицо Руслана Ольхонского мгновенно стало другим, приняло каменно-надменное выражение. – Оказывается, глава правительства был занят беседой с вами. Кто бы мог подумать?

– Никто, – тут же ответил Сатур. – Это вообще за пределами обычной человеческой логики. Правда, логикой обладает лишь тот, кто способен мыслить...

– А я, признаться, – князь надул щеки, с шумом выпустил воздух, – признаться, надеялся, что вы откажетесь от участия в данном проекте. Тщетно...

Фон Ниддл ничего не сказал, ожидая продолжения. Арно Бинелли, видимо сильно уставший от бессонной ночи и долгого разговора, тоже взял паузу – вернулся к столику, еще налил минеральной воды.

– Знаете, Сатур, – вкрадчиво продолжил Ольхонский, – даже у самых закоренелых, розовых оптимистов должно быть какое-то чувство... ну, э-э-э... чувство здоровой самооценки, я бы так сказал. То есть человек должен правильно понимать собственное место, понимать, за какие задачи стоит браться, а где... знаете, древние говорили... где не надо лезть со свиным рылом в калашный ряд.

– Очень хорошо понимаю трудное положение главы дипломатической миссии, – с искренним участием произнес фон Ниддл, – конечно, весьма неловко, если приходится браться *не за свою* работу, однако раз правительство созвездия поручило такую задачу...

Руслан Ольхонский замер с полуоткрытым ртом. Фраза была выстроена так двусмысленно, что оказалось невозможно определить, о ком говорил барон, о себе или о дипломате. То есть намек был совершенно очевиден: судя по дьявольской улыбке, Ниддл имел в виду «свиное рыло» собеседника! Однако поймать барона на слове не представлялось возможным, никакого прямого оскорбления не прозвучало.

Ольхонский побагровел от гнева.

– Я надеялся, вам хватит ума и воображения, чтобы отказаться! – резко бросил он. – Одно дело решать мелкие хозяйственные вопросы коммерческих компаний, совсем другое – браться за серьезную работу, которая под силу только профессиональным дипломатам!

– Ха. – Лицо фон Ниддла расплылось в широкой добродушной улыбке. – Отказ позволил бы вам рассчитаться с Клаудией, не так ли? Отомстить за собственное фиаско руками спецназа?! Ну нет, дорогой друг, придется дожидаться более подходящего случая!

– Фиаско? – Казалось, Арно Бинелли проснулся, вспомнил: кроме стакана с минеральной водой в комнате есть еще кое-что интересное.

– Не фиаско, Арно, несущественная мелочь, – буркнул Ольхонский и тут же вновь обратился к фон Ниддлу: – А почему вы так заботитесь об этой дешевой потаскухе, барон? Неужто испытываете какие-то серьезные чувства?! – Он громко засмеялся.

Сатуру показалось, как-то медленно, неестественно, словно смех шел не из души. Князь выдавливал его из себя медленно, скупыми порциями.

– Не такой уж дешевой, князь, – негромко, но отчетливо ответил фон Ниддл. – Не каждому удастся купить ее расположение. Скажем, у вас это не получилось.

Князь Ольхонский застыл на месте с полуоткрытым ртом – смех будто обрезало, отсекло ножом. Сатур фон Ниддл чуть заметно поклонился оппоненту, пряча довольную улыбку.

– Гм, Арно! Я ведь искал тебя по делу... – Дипломат повернулся спиной к барону. И тут, будто вспомнив о нем, как о чем-то малозначительном, добавил чуть в сторону: – Да! Кстати, голубчик! Сегодня я улетаю на Карэлес. Работа, знаете ли... В общем, в ближайшие дни буду здорово занят, суета, дела, спешка... Пока не забыл, хочу напомнить: потрудитесь оформить бумаги на мое казино. Я желаю как можно быстрее получить свою собственность.

Лишь к концу этой фразы Сатур фон Ниддл полностью уверился, что Руслан Ольхонский по-прежнему разговаривает с ним, а не с главой правительства.

– Вы играли с тузом в рукаве, – спокойно ответил он. – В любом приличном обществе за такое бьют канделябром по голове.

– В самом деле?! – Князь вновь повернулся к фон Ниддлу, посмотрел на него с искренним изумлением. – Огорчен слышать какие-то глупые увертки! Вы были уверены, что выиграете. Я был уверен, что проиграете. Мы поспорили в присутствии свидетелей, заключили пари. Утро наступило. Насколько мне известно, вы не получили то, что должны были взять. Точно знаю: не получили, да! Следовательно, вы, барон, проиграли! Где же здесь подвох?! Проиграли – платите по счетам! Или мне прилюдно объявить, что барон фон Ниддл – мошенник, не желающий отвечать по своим финансовым обязательствам? Бог мой! И это человек, которого только что приняли на государственную службу...

– Вы получите казино! – Впервые за время беседы Сатур чуть повысил тон, ответил нервно и быстро, тем самым выдавая, что не является неуязвимым, некоторые из стрел дипломата угодили в цель. – Я подпишу бумаги! Однако знаете, в чем между нами разница, князь? – Он и не подумал дожидаться, пока дипломат переварит сказанное и выдаст ответную реплику: – Разница между нами в том, что вы станете обладателем казино, но не более! Да! Можете сколько угодно крутить рулетку, ставить на zero и пальцем подталкивать шарик в

нужное гнездо! Можете играть за карточным столом, пряча тузы во всех карманах и рукавах! Однако есть разница! Я могу рассчитывать на большее, гораздо большее, понимаете? Пусть не сегодня, до рассвета, по независящим от меня обстоятельствам – но я смогу получить утешительный приз! От Клаудии! И точно знаю: кое в чем это получше, нежели казино! Таким может обладать не каждый – в отличие от игорного заведения! Честь имею! – Фон Ниддл поклонился князю и повернулся к главе правительства.

Тот, вытаращив глаза, следил за пикировкой государственных служащих, которым надлежало решить одну задачу на двоих – обеспечивать победу созвездия Возничего на тендере по хай-джет.

– Слава богу, вы работаете независимо друг от друга, – озадаченно пробормотал Бинелли. – А то бы я уже повесился от такой команды.

– Кстати, Арно, постарайся сделать так, чтобы этот идиот не путался под ногами, – резко, нервно бросил Ольхонский. Очевидно, его тоже здорово зацепили пассажи барона. – Постарайся втолковать ему, что ведущая роль принадлежит официальной дипломатической миссии. И если по вине этого мелкого клерка будет сорвана наша работа...

– Сэр! – перебил его фон Ниддл. – Сэр, прошу вас, проводите меня к полковнику Ратье. Вы обещали познакомить меня с офицером, который будет обеспечивать мою деятельность всем необходимым.

– Да! Да! – Арно Бинелли чуть не подпрыгнул на месте, тут же побежал в коридор, словно радуясь, что появилась возможность закончить разговор, развивавшийся на повышенных тонах. – Да-да, барон! Идемте скорее! Князь! Подождите минуту, только одну минуту! Я сейчас вернусь...

Проходя мимо Ольхонского, Сатур фон Ниддл задел того плечом – будто бы случайно, но довольно ощутимо. Так, что соперник на долю секунды потерял равновесие, вынужден был сделать шаг в сторону.

– Щ-щенок! – прошипел князь. – Не попадайся мне на Карэlese!

– Встретимся... – Барон холодно улыбнулся и едва заметно поклонился дипломату.

Потом, отдав ладонью салют, засунул руки в карманы плаща, быстро вышел из комнаты и последовал за Арно Бинелли.

Себастьян Ратье понравился Сатуру с первых минут знакомства. Полковник оказался именно таким, каким, по мнению фон Ниддла, должен быть грамотный, толковый офицер. От Ратье не воняло одеколоном, он не отпускал пошлых солдафонских шуточек, не надувал щеки, не корчил из себя большую шишку – человека, причастного ко всем тайнам Вселенной. В общем, не делал ничего такого, чтобы показать: простого смертного должно плющить в присутствии офицера спецслужбы.

Сатур не смог точно определить возраст полковника, он хорошо знал: у офицеров частей специального назначения волосы седеют гораздо раньше, чем у обычных людей. Себастьян Ратье оказался человеком среднего роста, где-то около ста восьмидесяти, крепко скроенным, мускулистым и по-спортивному подтянутым, с очень коротким ежиком седых волос. Такому можно было дать и тридцать пять, и пятьдесят.

Так или иначе, задавать прямой вопрос фон Ниддл не стал, решив, что точная цифра ни к чему, а симпатией к Ратье проникся, непроизвольно, с первых же минут общения.

– Рад познакомиться, полковник, – искренно сказал он, пожимая руку спецназовца.

Тот крепко стиснул ладонь Сатура, улыбнулся, хотя глаза остались такими же серьезными – умными, проницательными.

– Это взаимно, сэр, – ответил Себастьян, увлекая собеседника к выходу из здания, к ожидавшей их машине. – Рад поработать вместе. Много слышал о ваших талантах, доволен тем, что появился шанс воочию понаблюдать за методиками барона фон Ниддла.

– Гм... – Сатур озадаченно потеревил ухо, помедлил, но все-таки не удержался от глупого вопроса: – Это дежурный комплимент или вы действительно что-то слышали обо мне?

– Слышал-слышал, – улыбнулся полковник, заводя мотор бронированного монстра. – Про комплименты зря думаете, я их не выношу – ни получать, ни делать. А про вас слышал, барон. В последние годы крупный бизнес не является чем-то обособленным от государственного аппарата. Где деньги, там и власть. А где власть, там и... Надеюсь, вы понимаете?

– Не является обособленным, – продолжил мысль фон Ниддл. – Где-то даже переплетается, одно вращается в другое.

– Ну примерно, – дружелюбно ухмыльнулся Ратье, выезжая на трассу. – А коли так, то эксперты высокого класса, помогающие нашим компаниям на внешних рынках, не могут не попадать в поле зрения спецслужб, например, «Скальпеля».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.